

Трагические истории

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ариана Бёрнелл

18+

Ариана Бёрнелл

**Собрание рассказов:
Мрачные истории**

«Автор»

2026

Бёрнелл А.

Собрание рассказов: Мрачные истории / А. Бёрнелл — «Автор», 2026

Что, если бы ваши ночные кошмары и фантазии были настолько осязаемыми, что не отпускали бы вас даже после пробуждения? Я — обладательница ярких снов. Для меня это не просто смазанные картинки, а полноценные, кинематографичные истории, которые я каждую ночь проживаю со всеми запахами, звуками и ледящими душу подробностями. Мое подсознание само выступает режиссером, а мне остается лишь записать увиденное. Представляю вашему мнению «Мрачные истории» — сборник, который я написала строго по следам моих ночных путешествий. Внутри вас ждут захватывающие сюжеты на стыке ужасов, фэнтези и детектива. Каждая история здесь — чистый, не подвергшийся цензуре слепок из глубины моего разума.

© Бёрнелл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Колодец в Ад	5
История одного человека	11
Вирус	15
Модернизация	22
Герой её кошмаров	29
Саван потерянных душ	34
Печать Некрополя	41
Просвещение	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ариана Бёрнелл

Собрание рассказов: Мрачные истории

Колодец в Ад

На съёмках развлекательно-экстремального проекта

- В двадцать первом веке человечество окончательно пресыщается всеми возможными видами зрелищ. Удивить, испугать или заставить трепетать современного обывателя становится задачей из разряда невыполнимых, однако нашей команде удастся спроектировать нечто по-настоящему безумное — аттракцион, стирающий грани между технологическим триумфом и первобытным ужасом.

В двенадцати километрах к западу от полярного города Заполярный замерла во льдах всеми забытая Кольская сверхглубокая скважина — монументальное и жуткое свидетельство глубочайшего вторжения человека в земную кору, официально занесенное в Книгу рекордов Гиннесса. С тех пор как в 1994 году советский проект был окончательно закрыт, ее глубина замерла на отметке в 12 262 метра.

Однако история этого места окутана куда более мрачными тайнами. Согласно самой известной городской легенде, в 1989 году на шахте происходит необъяснимое чрезвычайное происшествие. Пробившись на глубину около четырнадцати километров, буровые коронки внезапно проваливаются в колоссальную подземную пустоту. Датчики фиксируют там чудовищную температуру, превышающую тысячу градусов по Цельсию, и охваченные паникой исследователи рискуют опустить вглубь уникальный термостойкий микрофон. Аппарат плавится за считанные секунды, но успевает запечатлеть на магнитной ленте леденящие душу звуки — хоровые стоны, скрежет и вопли терзаемых душ, словно ученые просверлили лаз прямым в преисподнюю. После этого инцидента напуганные рабочие бегут, руководитель бурения Дмитрий Аззаков наотрез отказывается продолжать изыскания, а саму скважину спешно консервируют, наложив на аудиозапись гриф строжайшей секретности.

И вот, что же делаем с этой «Адской скважиной» мы? - Приближаем этот Ад к людям! Разумеется, исключительно по их собственной воле. Тяжелый запечатывающий люк демонтирован; шахта находится в отличном техническом состоянии, а застрявшие когда-то обломки советских буров мы успешно извлекли. Наше оснащение безупречно: сверхпрочные несущие тросы, непрерывный биометрический мониторинг, замкнутые кислородные маски, мощнейшие налобные фонари и костюмная защитная спецодежда, предназначенная для сбора редчайших глубинных пород.

Остается финальный шаг — совершить невозможное и опустить живого человека на ту самую легендарную, засекреченную отметку в 14 километров! Для этой миссии мне нужен великий смельчак, одержимый наукой первооткрыватель. И я нашел его. Знакомьтесь: мой хороший приятель Адам, преодолевший полмира ради участия в этом проекте.

Прямо сейчас на ваших глазах разворачиваются финальные приготовления к его погружению. Связь с ним во время спуска будет поддерживаться через высокочастотную автоматическую рацию: мы на поверхности будем непрерывно слышать его отчеты, пока он штурмует бездну. Адам — высококлассный археолог, до тонкостей знающий природу минералов, хрупкость тектонических пластов и хронологию земных напластований.

— Вот только я привык раскапывать историю под открытым небом, а не падать в утробу планеты, — глухо отзывается Адам, пока на нем затягивают крепления.

— Не беда, друг, — ободряюще улыбаюсь я в камеру. — Особой разницы ты не заметишь, а моя команда на пультах не спустит глаз с твоих жизненных показателей.

Специально для нашего шоу верхнюю часть скважины расширили, придав ей форму гигантской технологичной воронки, над которой раскинулись массивные стальные опоры крана, намертво прибитого сваями к вечной мерзлоте. Костюм Адама представляет собой инженерный шедевр с адаптивной терморегуляцией: если внешняя среда остывает, ткань аккумулирует и сохраняет тепло его тела, если раскаляется — начинает интенсивно отдавать его наружу, охлаждая кожу. На его теле затягивают более сорока страховочных ремней с дублирующими карабинами, карманы занимают складные инструменты и тактические ножи. Единственное, чего нет в багаже нашего смельчака — это запасы пищи и воды, поскольку и спуск, и подъем планируются стремительными.

Советские ученые бурили эту землю ради проверки теоретических моделей коры. Мы же продолжаем их дело, но используем живые глаза нашего личного «крота», если Адам позволит так себя назвать.

— Без проблем, — хмыкает Адам, застегивая глухой шлем. — В этих огромных очках и каске я и правда чертовски похож на крота.

— Что ж, мой покорный крот, дорогие зрители, мы начинаем наше погружение!

Вы можете наблюдать, как Адама подводят к самому краю воронки. Помощники закрепляют силовые кабели крана на его плечах и предплечьях, давая натяжение, чтобы слегка приподнять его над настилом во избежание неправильного расположения в самой скважине. Кран с ювелирной точностью фокусирует исследователя над беспросветной, дышащей сыростью пропастью.

Звучит команда, трос ослабевает, и тело Адама метр за метром скрывается из нашего поля зрения.

Удачи, Адам! Ребята, врубайте рации на полную.

Адам

Внутреннее пространство скважины оказалось куда более тесным, удушливым и сжимающим, чем виделось сверху. Погружение было стремительным. Поначалу примитивные, монотонные осадочные породы сменялись более древними, причудливыми залежами; тогда я давал короткую команду по рации, и движение троса останавливалось, позволяя мне изучить вековые напластования.

Однако спустя несколько километров меня начало накрывать тяжелое разочарование. Эксперимент казался монотонным. Скважина поражала лишь своей колоссальной глубиной, но внутри не было ничего, кроме мертвого камня. Зачем были все эти советские титанические усилия? Неужели только ради строчки в Книге рекордов Гиннеса?

Я все реже просил операторов остановить спуск, почти перестал всматриваться в проплывающие мимо стены, неохотно скалывал редкие образцы минералов и мелкие частицы пород. Время потеряло свои очертания. Не знаю, что именно давило на мое сознание — могильная глухота замкнутого пространства или вязкий подземный воздух, — но мои глаза стали тяжело, противоестественно слипаться.

Из этого липкого полусна меня выдернул истошный, дребезжащий крик в наушниках: — Срочно надень кислородную маску! Слышишь?! Показатели сердца замедляются! Датчики фиксируют критическую концентрацию метана вокруг тебя!

Собрав в кулак остатки засыпающего разума, я судорожно натянул маску и замер, хрипло дыша в темноту и приходя в себя. Метан. Проклятый рудничный газ. Как я мог пропустить его сладковатый шлейф? Он скапливается в тектонических пустотах среди пород, и любая случайная искра от трения карабина может в любой момент превратить эту скважину в ствол стреляющего орудия.

Спуск продолжили, но теперь я был предельно сосредоточен. Мой взгляд впивался в каждый сантиметр базальтовых стен. Здесь, на стыке двух древнейших литосферных плит пла-

неты, должна была храниться нетронутая летопись истории. И вскоре привычный гранитный слой сменился нечто настолько необъяснимым, что мое сердце пропустило удар...

— Стоп! Остановите трос!

Резкий рывок лебедки подбросил меня вверх, после чего я тяжело повис в мертвой тишине. Наверху явно уловили изменившийся, замерший тон моего голоса.

— Что ты видишь? Что ты нашел?! — в радиии смешались паника и жадный интерес продюсеров.

Пока я спускался, а мое сознание по кусочкам собирало себя воедино, луч налобного фонаря выхватил из темноты бесконечные полчища... монолитные, прессованные залежи костей и черепов.

— Описывай конкретнее! Чьи это останки? — торопил голос сверху.

— Я... я не знаю.

— Как это не знаешь? Ты же первоклассный археолог! На каких животных они похожи? Какой период?! Тебя что, смутила кучка доисторических трупов...

— Они похожи на всех известных тварей разом и ни на одну из них конкретно, — мой тихий, сиплый ответ заставил радию на мгновение озадаченно замолкнуть. — Слушайте меня... Прямо сейчас я вишу внутри пасти какого-то исполинского хищника. Советский бур прошел аккурат сквозь его черепную коробку, так что я вижу эту анатомию изнутри: колоссальные зубы, сегменты позвоночника, массивные челюсти, провалы глазниц и ноздри... Но безумие в другом. До того, как трос замер, эти пласты скелетов сменяли друг друга с противоестественной хронологией. В более верхних слоях я видел структуры, напоминающие кембрийские организмы, но ниже... ниже пошел какой-то невозможный эволюционный скачок. Это развитые, совершенно неизученные человечеством существа, и пласты земли при этом не перемешаны. Логически это необъяснимо, если только...

— Метеорит? — перебил меня голос из динамика.

— Да. И видимо, это был не тот метеорит, погубивший динозавров, как нам известно. Появление этих останков свидетельствует о зарождении, буйстве и прогрессировании чудовищной жизни намного раньше нашей эры. О катаклизме, извержении вулкана или космическом ударе, оборвавшем ее, свидетельствуют черные, запекшиеся залежи магмы между костями. Но самое жуткое — это плотность. Они не лежат как обычные окаменелости. Мириады скелетов прижаты друг к другу так тесно, словно кирпичи в монолитной кладке циклопической стены. В щелях между гигантами впрессованы меньшие особи. Почти все они — выращенные, совершенные хищники. Я вижу когти, костяные шипы, защитные пластины... Почему столь идеальные машины убийства не выжили? На их костях видны глубокие вмятины и бесчисленные, рваные царапины. Эти раны говорят о жестокой, тотальной войне, которую они вели между собой на рассвете времен, где даже мельчайшая тварь умела защищаться и рвать плоть. Я нахожусь словно в исполинской могиле. Быть может, это было глубокое ущелье, куда веками мертвые тела сваливались друг на друга сплошной массой.

Я дал сигнал для продолжения спуска. Череп чудовища медленно уплыл наверх, уступая место новым, еще более причудливым и гротескным костяным лабиринтам. Я начал пристально всматриваться в их глазницы и заметил странное: у многих существ дыр на черепах было слишком много — порой на одной голове было более пяти штук. Только при полной остановке я смог разглядеть то, что это были не глазные впадины. Это были круглые, сквозные отверстия, проделанные не советским буром. Их прогрызли изнутри. Какая-то неведомая сила уничтожила всех этих существ. Но произошло ли это при их жизни?

Когда перед моим лицом оказалась кость с отверстием размером с мой кулак, я велел остановить движение троса. Отверстие уходило глубоко в породу. Я дрожащими пальцами провёл по краям раны: идеальная, ювелирная работа, словно кость обрабатывали высокоточным фрезерным станком. В голову закралась смутная, леденящая кровь догадка. Подвешенный на

тросах, я медленно развернулся всем телом и обнаружил прямо напротив этого отверстия другое — в противоположной базальтовой стене.

— Эй, Адам, почему молчишь? Что ты там видишь?

— Здесь... здесь пещеры. Целая сеть узких ходов и нор. Ощущение такое, будто в них кто-то жил задолго до того, как люди вообще начали бурить эти слои... Но какое существо способно просверлить гранит и кости? Что за тварь могла пережить все эти геологические эпохи?

Я приблизил лицо к чернеющему ходу. Мне показалось, что внутри него что-то шевелится, и это была не остывшая магма. Я наклонился еще ближе, и в этот миг из темноты норы с сухим щелчком вырвалось нечто стремительное. Оно глубоко полоснуло меня по щеке и, с влажным шелестом перемахнув через узкое пространство колодца под нами, юркнуло в дыру за моей спиной.

— Черт! — вскрикнул я, прижав ладонь к лицу и чувствуя, как между пальцами застряла горячая кровь.

— Адам, что у тебя происходит?! Датчики фиксируют резкий выброс адреналина! Что тебя напугало?

— Здесь кто-то есть... Что-то живое! Оно выпрыгнуло и ранило меня, — я тяжело дышал, не веря собственным мыслям. Жизнь? На глубине в четырнадцать километров, в тисках колоссального давления?

Вдруг сверху, шурша по шлему, посыпалась мелкая каменная крошка. Я резко закинул голову. Там, где трос проходил сквозь пробитый череп доисторического титана, бесшумно извивалось продолговатое, бесконечное туловище. Тварь была настолько длинной, что легко перемахивала с одной стены скважины на другую, словно перелетая бездну.

— Здесь точно есть выжившие организмы! Продолжать исследование опасно. Немедленно поднимайте меня! Включайте лебедку!

— Адам, о чем ты говоришь? — раздался в ответ холодный, раздражающий смешок из рации. — Испугался какого-то подземного червя? Я вложил в этот проект целое состояние, просто успокойся и продолжай.

— Черт бы тебя побрал! Не ты висишь здесь на гребаной нитке над преисподней! К риску разбиться добавилась доисторическая тварь, непонятно на что способная! Я подписал бумаги, и если я требую остановить это, ты обязан сделать так. Поднимай!

Динамик выдал короткий скрежет, рация замолчала, и трос, вздрогнув, потащил меня вверх. Мимо снова поплыли знакомые слои спрессованных костей. Но стоило мне поравняться с огромным черепом хищника, как сверху раздался оглушительный металлический скрежет — подъем оборвался, и я вновь застыл на месте.

— Что еще?! Что там у вас произошло?! — закричал я в рацию, срывая голос, но ответом мне были лишь глухие статические помехи и новый, заполняющий все пространство звук, исходящий из стен вокруг меня. Звук множества ползущих, трущихся о камень тел.

Я не успел даже среагировать, как из пещеры передо мной плавно выдвинулась уродливая голова. Существо напоминало гибрид змеи и кольчатого червя, но его тело было целиком соткано из сотен подвижных, острых как бритва костных пластин. Они непрерывно шевелились с сухим щелканьем, и сквозь миллиметровые зазоры между ними можно было разглядеть тончайший, сочащийся слой прозрачной кожи, под которой пульсировали багровые капилляры и сжимались темные органы. У него не было глаз, но по бокам бронированного черепа зияли глубокие роговые впадины — тварь ориентировалась по тончайшим вибрациям и запаху крови. Она прекрасно слышала меня. Она меня чувствовала.

Стараясь не дышать, я медленно повёл руку к поясу, где в ножнах покоился массивный нож. Но едва сухие пальцы коснулись металлической кнопки застежки, раздался короткий звук ее натяжения.

Этого оказалось достаточно. Тварь мгновенно среагировала на звук. Совершив молниеносный прыжок, она выставила вперед клювообразные челюсти и с размаху впиалась мне прямо в правый бок, в область печени. Острые костяные пластины ее тела пришли в волнообразное, вращательное движение: словно живое сверло, она за долю секунды пробила костюм и с хрустом погрузилась в мою плоть, разрывая и перемалывая орган.

Пройдя сквозь мое разорванное тело насквозь и увлекая за собой теплые остатки моей печени, монстр скрылся в темной пещере позади.

Стены скважины содрогнулись от дикого человеческого крика — вернее, звука нечеловеческой, запредельной боли. Адские крики во плоти. Ведь за этим я сюда пришел... Какая извращенная, чудовищная ирония.

Теперь стало предельно ясно, кто именно проделывал те идеальные отверстия в многовековых скелетах: мое тело для этого существа было не тверже подтаявшего масла. Кровь хлестала непрерывным потоком, ее густые алые капли стекали по моим подвешенным ногам, мгновенно чернея за границей слабого луча налобного фонаря, и безвозвратно исчезали в глубине пещеры.

Меня колотила крупная, ледяная дрожь. Я судорожно пытался зажать сквозную рану руками, но все было тщетно — липкая влага неостановимо уходила сквозь пальцы. Мои показатели стремительно ухудшались, это точно должны были заметить ребята наверху, но рация упорно не подавала признаков жизни, а из меня в прямом смысле вытекала сама жизнь. Тело становилось тяжелым и холодным, руки безвольно застыли, я начал терять сознание. Все это время, оставаясь беспомощно повешенным, я слышал сводящий с ума звук собственной крови, капающей в пустоту, но больше всего пугал отчетливый, чавкающий звук этого червя из норы неподалеку. Он с хлюпаньем отщипывал куски моей печени, что унес с собой. Он явно изголодался под землей — я был ему по вкусу.

И вдруг, вопреки всякой логике, рация с треском заработала вновь.

С трудом шевеля онемевшими, окровавленными губами, я забормотал первый, захлебываясь липкой влагой: — Чертовы ублюдки... Вы же знали... вы же прекрасно знали, что обитает под землей. Ты первый произнес слово «червь» еще до того, как я вообще увидел это существо... Ты включил рацию только для того, чтобы удостовериться, что со мной стало? У меня в животе сквозная дыра, мать твою! Я только одного не понимаю... Зачем тебе это? Зачем вкладывать столько денег в этот кошмар? Для чего?!

Рация наконец отозвалась спокойным, размеренным и пугающе циничным голосом:

— Видишь ли, Адам, эти организмы — единственные в своем роде. Они способны пережить человека и еще один конец света. Но прежде чем это случится, человечество — вернее, наше тайное общество — должно позаботиться о том, чтобы эта тайна не выбралась наружу. За последние века они стали голодать и с каждым годом поднимаются все выше к поверхности. Эти четырнадцать километров, некогда сдерживавшие их, для нас — опасность, измеряемая теперь в сантиметрах. Они стали делать новые дыры в древних скелетах, глодают их, но не насыщаются. И мы, группа Мессий, регулярно приводим к этой скважине, пробуренной кучкой идиотов-ученых, разделивших, к слову, твою участь, непорочного Агнца. Мы доставляем его прямо к их жилищу и кормим. Ну а деньги... Деньги текут рекой от элитарных подписчиков нашего закрытого даркнет-канала и от заснятых нами «паранормальных криков из Ада» — Твоих криков, мой дорогой друг!

Кровь окончательно застыла в моих жилах — теперь уже не от раны, а от осознания бездны этого леденящего откровения. Из последних сил я заставил себя наклонить голову и перевел луч фонаря вертикально вниз, в самую глубь скважины.

Там, в крошечной тьме нижнего яруса, кишели, скручиваясь в сплошной, пульсирующий фосфоресцирующий клубок, миллионы бледных, слепых червей. Они скользили друг по другу, словно жирные, склизкие угри, и с сухим хрустом поедали кости от трупов людей, сброшенных

сюда до меня. Чуть в стороне я разглядел относительно свежее тело — серое тряпичное месиво, напоминающее разорванную на лоскутки куклу, в чьи раны, словно гигантские пиявки, гроздьями зарывались подземные гады. Это было неопишимо отвратительное, завораживающее своей монументальной жутью зрелище... В какой-то степени я даже ощутил безумную радость от того, что успею умереть от потери крови секундами раньше, чем окажусь там.

Рация вновь хладнокровно заговорила: — Три... Два... Один...

Обратный отсчет закончился сухим щелчком. Поддерживающие крюки с тросами разом открепили мое тело, и я со свистом полетел в свободном падении вниз, прямиком в их Адское гнездо.

Последнее мое воспоминание после открытого полета — это оглушительный, частый хруст, с которым я ломал себе конечности, с размаху встречаясь со скалистыми острыми углами и выступами скважины. А затем — глухой, влажный удар о кучу гниющих трупов и столь же твердых, панцирных тварей, которые одновременно, сотнями челюстей пронзили мое ломаное тело, перемалывая его, словно живая мясорубка. От меня оставалось все меньше нетронутых частей; костяные пластины вращались внутри моих тканей, черви проникали в меня через раны, с чавканьем перемещаясь по кишкам вверх к горлу, с шипением выходя из рта, пожирая еще живой, пульсирующий мозг и сквозные отверстия глазниц...

Тем временем на заснеженной поверхности, под завывание ледяного полярного ветра

Один из помощников на пульте, лениво гася мониторы закрытой трансляции, поворачивается к руководителю: — Какой это твой «безбашенный» друг по счету, а, Гиппо*?

Мужчина лишь тонко, демонически улыбается, глядя на то, как на его зашифрованном счете обновляются миллионные цифры от просмотров: — Не переживай, у меня таких еще много... У человечества таких много...

Ничто так хорошо не насыщает бездну, как человеческая гордыня, завернутая в красивую обертку жажды открытий. Земля веками прятала своих истинных хозяев, а люди сами, с восторгом и песнями, бурят к ним лазы, безропотно отправляя своих лучших сынов на убой. Бездна голодна, но пока глупцы готовы платить за зрелище собственной гибели — этот мир будет сыт.

**Гиппо (Hippo) / Бегемот — коварный и жестокий демон, управлявший пирами и пиршествами в Аду.*

История одного человека

Вы, наверное, замечали — когда у кого-то умирает близкий и его фотографию относят мастеру для надгробия, портрет на камне в итоге получается пугающе реалистичным. Словно художник поймал самый удачный ракурс, выверил каждую тень и сделал покойного, как говорят на кладбищах, «живым». Многих пугают эти пристальные, застывшие взгляды мемориалов, когда проходишь мимо них по тихим аллеям. Вот только никто не задавался вопросом: как именно мастерам удается добиться такого сходства?

Пусть это прозвучит странно, но я расскажу свою историю. Я был именно таким мастером.

Работа, конечно, не из завидных, но это лишь на первый взгляд. В ней хватало своих мрачных сторон, однако я никогда не жаловался. Встать на этот путь меня вынудили обстоятельства, и, к моему собственному удивлению, это ремесло стало моим призванием.

В двадцать четыре года я остался без работы. Родители, устав от моего затянувшегося поиска себя, выставили меня из дома, и именно тогда началось мое подлинное знакомство с самостоятельной жизнью. С раннего детства я прекрасно рисовал, но попытки устроиться художником или дизайнером раз за разом проваливались. Проверок на «креативность» я не выдерживал: мне твердили, что у меня напрочь отсутствует фантазия. А все потому, что я был гениальным копиистом — я безупречно срисовывал и воспроизводил то, что видел перед собой, но не умел выдумывать из головы нечто принципиально новое.

Оставшись без гроша в кармане, я вспомнил о своем старом дед. Он жил неподалеку, в крошечном провинциальном городке, и подрабатывал гробовщиком да каменотесом. На последние копейки я добрался до его покосившейся лачуги. Дед моему внезапному визиту, разумеется, не обрадовался, но после недолгого старческого ворчания все же сменил гнев на милость, разглядев во мне помощника.

Он оформил меня как стажера. Поначалу дед много ныл и придирался, чем изрядно выводил меня из себя. Впрочем, его можно было понять: мало какой нормальный человек согласится в проливной дождь и грозу, перекрикивая завывания ветра, копать сырую землю на кладбище.

Помню, как в один из таких дней я — весь из себя умелый и гордый — умудрился как-то боком соскользнуть в свежую яму и рухнул прямо на крышку уже опущенного гроба. Вытаскивали меня оттуда долго, а испачканную в глине одежду пришлось просто выбросить.

Вы спросите: «И как с такими навыками, умея лишь бездумно копировать, ты пошел в столь пугающую профессию, будучи к тому же таким неумехой?» Что ж, слушайте дальше. Наверное, на склоне лет мне должно быть немного неловко за свое признание; я знаю, что могу столкнуться с волной скепсиса и негативных комментариев. Да, я не скрываю: по натуре я человек мягкий, чувствительный, но чтобы поделиться этим, мне пришлось прожить целую жизнь — сейчас мне шестьдесят пять лет, и скрывать больше нечего. Не обессудьте, но дело в том, что я — необычный человек.

«Ого, необычный человек! Пупом земли себя считает, выискался тут не такой как все!» — возможно, съязвите вы.

Нет, вовсе нет. Одни назвали бы это даром, я же всегда считал это своим проклятием.

Я не помню точно, с какого момента из детства это началось, но я видел призраков. И не просто видел. Фокус заключался в следующем: стоило мне вслух произнести имя и фамилию умершего человека, как он тут же предстал передо мной.

Вы скажете: «Круто! Будь ты на какой-нибудь контрольной в университете, призвал бы условного Эйнштейна, или поболтал бы со Сталиным, или с любой другой исторической зна-

менитостью!» Но существовали определенные ограничения. Мне требовалось хотя бы мимо-летное, косвенное знакомство: в каких-то случаях я знал покойного лично при жизни, в других — смутно помнил по рассказам или видел мельком. Я сам до конца так и не разгадал эту механику.

Призраки, приходившие на мой зов, выглядели невероятно реалистично. Это не была полупрозрачная, размытая дымка в воздухе и не банальное привидение из простыни, каким его рисуют в сказках. Передо мной стоял осязаемый человек, словно сошедший со старой черно-белой фотографии. Его ноги едва заметно левитировали над полом, движения были плавными, тягучими, а голос звучал как глухое эхо, слегка раздваиваясь. Некоторые из них даже могли слегка сдвигать с места мелкие предметы.

И да, я их слушал. Можно сказать, подрабатывал для них бесплатным психологом и консультантом. Короче говоря, скучать не приходилось.

Только не подумайте, будто у нас велись оживленные философские беседы. Скорее, я просто выступал безмолвным слушателем. Это походило на бормотание глубоких стариков: вы садитесь с ними на одну скамейку, и они в сотый раз пересказывают вам свою жизнь, а вы смиренно сидите и внимаете. Наш диалог всегда оставался односторонним.

Ко мне приходили все: старики, взрослые, безвременно ушедшие молодые люди и даже младенцы. Появляясь, они принимались говорить (естественно, кроме младенцев), пересказывая ключевые моменты своего земного бытия. Чаще всего они вспоминали оставшихся родственников: какими хорошими были их внуки, какими взрослыми выросли дети...

Со стороны это выглядело так, будто кто-то заезженную пластинку завел. Да, именно! Старая виниловая пластинка — идеальное сравнение. Звук их голосов был неестественным, с какими-то раскатистыми помехами, напоминающими шипение старой радиации, а сами призраки вещали абсолютно монотонно, без капли живых эмоций. Поэтому я не спорил. А просто слушал.

В этом глухом городке я застрял надолго. Люди время от времени умирали — пожилого населения здесь хватало, что и понятно: зачем молодежи ехать в такую глушь? Так и повелось: пока мы с дедом готовили тело к погребению и занимались могилой, я узнавал о покойном абсолютно все, вплоть до сокровенных семейных тайн.

Информации было много, порой весьма интригующей, но я никогда не злоупотреблял ею. Лишь изредка, чувствуя острую необходимость, я передавал живым весточки с того света. Разумеется, мне приходилось тщательно перекаверкивать и завуалировать их слова, чтобы меня не обвинили в черной магии или сумасшествии.

Говорил как бы невзначай: «Хорошая у вас мать была, любила вас крепко. Помню, все внуков вспоминала, просила кошку ее не бросать, кормить... И детей растите так, как она учила. Исполните ее последнюю волю».

Время шло, дед старел. Зрение у него совсем упало, и выбивать портреты на надгробьях он больше не мог. Тогда за инструменты взялся я.

Как-то раз, когда мы хоронили очередную местную жительницу, я вызвал ее дух. Она явилась незамедлительно, зависнув в воздухе и лишь изредка подрагивая, словно сухой листок на ветру. Я взял подготовленную мраморную плиту, резцы и начал набивать портрет, глядя не на посмертную фотографию, а прямо на натуру — на стоявшего передо мной призрака. Ракурс был идеальным, линии точными. Сходство получилось безупречным, картина дышала жизнью куда сильнее, чем любой снимок.

После установки памятника на похоронах плакали все, от мала до велика. Каждого этот «живой» взгляд с мрамора полоснул по сердцу. С тех пор дела пошли в гору: наше ремесло стало приносить солидный доход, а дед наконец-то начал мною гордиться. Появилась хоть какая-то польза от моего существования.

Но однажды случился по-настоящему странный, пугающий случай.

Скончалась молодая девушка. Причиной назвали то ли внезапный сердечный приступ, то ли оторвавшийся тромб — сейчас уже точно не вспомню. Смерть наступила утром, и тело еще даже не успели привезти в морг, но убитые горем родители сразу же прибежали заказывать надгробие.

Они передали мне снимок дочери. Фотография оказалась чересчур искусственной, отретушированной до неузнаваемости — фиг знает, сколько слоев макияжа и фильтров на нее наложили, чтобы сотворить этот идеальный гляцевый фасад. Я же всегда стремился к естественности. Мне нужно было увидеть ее настоящие черты, и я решил вызвать ее призрак, чтобы сравнить гляцевую картинку с оригиналом, застывшим в смерти.

Ее звали Марфа. Я сосредоточился и позвал ее по имени.

Ответа не последовало. Комната оставалась пустой.

Я звал ее снова и снова, вглядываясь в углы мастерской, но никто не появлялся. Меня охватило глубокое недоумение. Чувство было такое, словно у мага посреди представления вдруг бесследно испарилась вся магия. До этого момента осечек не бывало. Я мерил шагами комнату, ходил взад-вперед, лихорадочно пытаюсь сообразить, в чем дело.

И тут меня осенила дикая, странная, но единственно логичная догадка. Моя теория была проста: если ко мне не приходит призрак человека, значит, этот человек еще не мертв.

Я, конечно, слышал о случаях мнимой смерти, летаргического сна, комы или внезапной остановки сердца, когда людей по ошибке принимали за покойников. Но как доказать это врачам и безутешным родственникам? Мои объяснения они расценили бы как кощунство, жестокое оскорбление и безумную насмешку над их горем.

Нужно было действовать самостоятельно, и как можно скорее. Наряжали и гримировали тело в морге другие люди, так что войти в прямой контакт с девушкой до похорон я не имел никакой возможности. Не придумав ничего лучше, я разузнал время и место проведения погребения и тайно явился на кладбище.

Спросите меня теперь: «Зачем тебе это было нужно?» Сам не знаю. Наверное, в тот момент я почувствовал себя главным героем какого-то мистического фильма; что-то непреодолимо тянуло меня туда. Я обязан был лично убедиться, права моя теория или нет.

На похоронах я держался поодаль, стараясь не привлекать внимания. Все шло своим чередом: скорбные завывания родственников, горы венков, охапки цветов. Гроб стоял на возвышении, окруженный толпой.

Наконец, когда официальная церемония прощания завершилась и люди начали медленно расступаться, я сумел подойти поближе, пока гроб еще оставался открытым. Я заглянул внутрь. Там мирно покоилась прекрасная юная девушка. Я долго и пристально вглядывался в ее бледное лицо — ни единого движения, ни намек на дыхание. Моя безумная теория рушилась на глазах.

Обреченно опустив руки, я отступил назад и затерялся в толпе, уже собираясь уйти. Я отрешенно наблюдал, как гробовщики опустили на гроб тяжелую деревянную крышку. Раздался резкий, оглушительный стук молотков — рабочие начали заколачивать гвозди, и каждый этот удар звучал как окончательный, страшный приговор. Закончив, они поддели заколоченный ящик плотными веревками и начали медленно опускать его в глубокую, сырую могилу.

И вдруг сквозь давящую кладбищенскую стужу, сквозь плач матери, завывания ветра и карканье встревоженных ворон я услышал звук, от которого у меня похолодело внутри.

Едва различимый, но ни на что не похожий. Глухой, прерывистый стук.

Звук шел из-под земли — из деревянного ящика, который уже наполовину опустился в могильную яму. Кто-то отчаянно бился в крышку изнутри.

Меня словно током ударило. Впав в какое-то исступление, я резко развернулся и бросился к могиле, бесцеремонно расталкивая и отпихивая людей со своего пути. Не слушая никого, я яростно закричал гробовщикам: — Немедленно поднимайте гроб! Поднимайте его обратно!

Присутствующие опешили. Поднялся ропот негодования, отец девушки и еще несколько крепких мужчин тут же набросились на меня, пытаясь скрутить и оттащить подальше от ямы. Они приняли меня за буйного сумасшедшего, оскверняющего память усопшей. Но я, отчаянно вырываясь из их рук, из последних сил закричал на все кладбище: — Всем молчать! Тихо! Слушайте же!

Мой дикий, полный ужаса крик заставил всех замереть. Наступила мертвая, звенящая тишина. Прошло несколько секунд, показавшихся мне вечностью. Все затаили дыхание, уставившись на чернеющую яму.

И тогда снизу, из глубины могилы, снова раздался отчетливый, долгожданный стук в деревянную крышку. Теперь его услышали все.

Мужчины тут же разжали руки и выпустили меня. Гробовщики, бледные как полотно, лихорадочно схватили веревки и принялись спешно тянуть гроб на поверхность. Пальцы их дрожали, они путались в узлах, кто-то схватил гвоздодер и под утрепенные вдохи толпы начал судорожно вырывать гвозди. Как только крышка поддалась, я сам рванул ее на себя и распахнул гроб.

Изнутри, тяжело и хрипло дыша, поднялась напуганная до безумия, изможденная девушка. Она едва держалась на ногах и, не способная вымолвить ни слова от пережитого шока, в слезах бросилась мне на шею, цепляясь за меня как за единственное спасение в этом мире.

Чуть позже Марфу отвезли в больницу. Что именно с ней произошло, какой редкий медицинский феномен или кома послужили причиной этой страшной ошибки, и почему врачи констатировали смерть живого человека — я так никогда и не узнал. Мне это было и не нужно.

Через несколько месяцев, когда состояние девушки полностью стабилизировалось и она поправилась, вся ее семья пришла к моей мастерской. Они смотрели на меня как на святого, как на истинного спасителя их дочери. Разумеется, на их главный, мучительный вопрос — как я смог догадаться, что Марфа жива, находясь на расстоянии, — я ответить не смог. Я лишь отшутился, списав все на нелепое совпадение и обострившуюся интуицию.

Саму Марфу я после этого больше никогда не видел и не слышал, но искренне надеюсь, что в ее жизни все сложилось хорошо.

А вот с ремеслом каменотеса и могильными плитами я завязал в тот же день. Мой странный дар — или проклятие — исчез так же внезапно, как и появился. С тех пор, сколько бы имен покойников я ни произносил, ко мне больше не являлся ни один призрак. Наверное, я выполнил какую-то свою главную, предначертанную свыше миссию, ради которой эта способность мне и была дана. И, честно говоря, это к лучшему. Мертвые должны оставаться с мертвыми, а живые — с живыми.

Заработав на памятниках достаточно денег, я попрощался с дедушкой, оставив ему скопленные сбережения, и уехал из этого глухого городка. Я снял светлую, просторную квартиру в крупном городе и наконец-то устроился на работу своей мечты — художником. Теперь я переносил на холсты не застывшие лица призраков, а яркие, дышащие жизнью пейзажи и лица живых людей.

Вот так порой причудливо и непредсказуемо поворачивается человеческая жизнь...

Вирус

В нашей школе всё дышало скрытым, застоявшимся безумием. Началось это задолго до моего поступления, но поняла я это слишком поздно. Главным сосредоточением этой удушливой атмосферы был культ Основательницы — женщины, когда-то заложившей первый камень в фундамент этого серого, монолитного здания. О ней говорили исключительно с трепетом, граничащим с религиозным экстазом. Строгая, пугающе скрытная фигура с мертвенно-бледным лицом.

Её исполинский портрет встречал нас прямо у главного входа. Это было не просто данью уважения, это был акт насильственного внушения. Холст занимал всю стену, от пола до самого потолка, подавляя своими масштабами. Нас, учеников, буквально дрессировали быть патриотами этой мертвой женщины. Сам портрет служил гипнотическим центром школы: куда бы ты ни шел, казалось, что её плоские масляные глаза разворачиваются вслед за твоим движением.

На уроках истории нам с начальных классов вбивали в головы её жизнеописание. В левом крыле организовали целый музей — точную копию её дома, воссозданную до мельчайших деталей быта. Нам твердили о её «великой жертве» так часто, что у большинства критическое мышление просто атрофировалось. Этот абсурд стал нормой. И только я, проходя мимо портрета, чувствовала, как внутри зарождается липкий, необъяснимый страх. Насколько же слепы должны быть все остальные, чтобы превозносить то, от чего веет могильным холодом?

Тяжелая рама, покрытая сусальным золотом и вычурной лепниной, выглядела громоздким, уродливым шрамом на фоне нищеты остального здания. Стены коридоров изнывали от старости, штукатурка на потолке шла глубокими трещинами и сыпалась серой перхотью на пол, но картину время словно обходило стороной. Масляные мазки — густые, размашистые, нанесенные неизвестным художником — казались аномально свежими, будто краска еще не высохла. Холст никогда не реставрировали, не протирали от пыли, но на нем не было ни единого пятнышка. Пространство вокруг него словно сжималось, вытесняя живой воздух. Он жил, пока все вокруг изнывало.

Очередной учебный день начался под неизменным, выжигающим спину взглядом Основательницы. Поднимаясь на самый верхний этаж, я уже чувствовала, как внутри закипает привычная тревога. Стоило переступить порог класса, как меня обступила компашка местных заводил. В этой банде состояли почти одни девчонки, чья жестокость не знала границ. Раз в несколько лет они выбирали себе новую мишень для ментальной вивисекции, уничтожая человека морально. В этом году жертвой назначили меня.

Они осыпали меня градом отвратительных прозвищ, зло подкалывали, толкали в проходах. В самом начале я наивно пыталась со всеми подружиться, открывала душу, надеясь на каплю тепла. Но этот мир пожирал слабых. Поняв, что моя доброта для них лишь слабость, я закрылась. Прикрылась эмоциональным панцирем — настолько плотным и жестким, насколько вообще способна защищаться испуганная девочка. Я заставила свое лицо стать каменным, строгим и хмурым. Мои будни превратились в серую, монотонную череду дней, где главной задачей было не сорваться на крик.

Вот и сейчас они плотным кольцом окружили мою парту, поливая меня привычной грязью. Их лидер — заносчивая девчонка с идеальным каре — брызгала слюной, упиваясь своей властью. Я зафиксировала взгляд на одной точке — на её переносице, — включив режим абсолютного безразличия.

И вдруг реальность треснула.

Волосы этой девчонки, всегда бывшие безупречно прямыми и гладкими, начали неестественно дергаться. Из глубины её прически, прямо у корней, одна прядка за другой стали резко,

судорожно скручиваться. Звук, с которым это происходило, напоминал лопающиеся с диким натяжением скрипичные струны. Волосы на её челке завивались, превращаясь в живые, пульсирующие жгуты. Они извивались, словно слепые черные щупальца, шевелясь прямо на её лбу. Внутри меня всё перевернулось от тошнотворного ужаса. Самое жуткое было в том, что сама девчонка ничего не замечала — она продолжала ухмыляться, её рот изрыгал оскорбления, пока на её голове шевелилась эта противоестественная масса. Я мучилась, сжимая кулаки под партой, молясь, чтобы этот морок прекратился.

Наконец, прозвенел звонок, и поток помоев иссяк. Я смогла сесть на место, но сердце колотилось где-то в горле.

На перемене безумие набрало обороты. Внимание коридора привлек один из парней параллельного класса. Обычно тихий, стриженный почти налысо, сегодня он буквально блистал густой, неестественно пышной шевелюрой с новомодной укладкой. Парень находился в состоянии какой-то лихорадочной, болезненной эйфории. Он громко, взхлеб рассказывал друзьям о своем «чуде».

Я сделала вид, будто случайно уронила ручку, и подошла ближе, вглядываясь в его макушку. Это не был парик. Волосы — антрацитово-черные, жесткие, похожие на леску — росли прямо из его пор. Парень утверждал, что проснулся таким после ночи, проведенной со своей девушкой из соседнего класса. Он буквально боготворил её, заявляя, что это «магия её любви».

Ответ на то, что это за магия, я получила через десять минут, когда столкнулась с этой самой девушкой у лестничного пролета. Ранее гордая и высокомерная, сейчас она выглядела разбитой куклой. Её плечи ссутулились, лицо приобрело землистый оттенок, а в глазах застыла глухая, беспросветная апатия, смешанная с животным страхом. Зрачки безумно бегали из стороны в сторону, губы беззвучно шептались с пустотой. Она судорожно прижимала к себе учебники, будто они могли защитить её от мира.

Когда мы поравнялись, она испуганно вздрогнула и выронила книги. Я присела помочь ей, попутно пытаясь завязать разговор и спросить, что случилось с её парнем. Но стоило мне произнести слово «волосы», как девушка издала удушливый, сдавленный писк. Она в панике сгребла тетради в охапку и бросилась бежать прочь, спотыкаясь на ровном месте.

Голова раскалывалась от вопросов, на которые не было логических ответов. Ощущение надвигающейся катастрофы становилось почти физическим, но мне нужно было сдать контрольный тест, и я попыталась задушить свой страх.

На следующий день туман паранойи сгустился окончательно. На первом уроке нам раздавали проверенные тесты. Моей близкой подруги Аси не было на месте, и я вызвалась отнести её работу — она получила заслуженную пятерку. Я шла к её парте с листком в руках, предвкушая, как она обрадуется, но место пустовало. Её не было ни в классе, ни в коридоре.

Дурное предчувствие, холодное и склизкое, ворохнулось в груди. Я направилась в туалет в конце крыла — старое, заброшенное помещение, где вечно пахло сыростью, хлоркой и гнилой древесиной.

Там стояла гробовая, звенящая тишина. Двери кабинок не доходили до пола, оставляя широкие зазоры. Проходя мимо, под одной из дверей я увидела знакомые изящные туфли подруги. — Ась? Ты тут? Я твой тест забрала, у тебя пять, — позвала я, шаг за шагом приближаясь к окрашенной шелушащейся краской двери.

Ответа не последовало. Вместо этого из кабинки донеслись странные, тошнотворные звуки. Это было влажное хлопанье, глухое бульканье и мерзкий, шуршащий звук, будто тысячи сытых насекомых копошатся в замкнутом пространстве. Пронзительно и требовательно зазве-

нел звонок на урок, призывая вернуться в класс, но туфли за дверью не шелохнулись. Потеряв остатки терпения, я дернула ручку. Замок сорвался, и дверь с грохотом распахнулась.

То, что я увидела, выжгло мою душу дотла. Рефлексы сработали быстрее разума: я намертво зажала рот обеими ладонями, вдавливая пальцы в щеки, чтобы сдержать дикий, сумасшедший крик. Из глаз брызнули слезы ужаса, перехватив дыхание.

В полумраке кабинки происходило висцеральное, абсолютно тошнотворное таинство. Каждая прядь на голове Аси жила своей, обособленной жизнью. Бесчисленное множество черных, блестящих нитей тянулось во все стороны, издавая этот сухой, шуршащий звук. Глаза подруги были вытарашены, огромные глянцевые зрачки расширились, поглотив всю радужку. Они были абсолютно слепы и ни на чем не фокусировались.

Опустив взгляд ниже, я почувствовала, как к горлу подступает рвота. Из черного, зловонного жерла унитаза сплошным, пульсирующим потоком лезли исполинские, толстые, иссиня-черные канаты из сбившихся волос. Они живым, склизким столбом входили прямо в её тело через все естественные отверстия, с влажным треском разрывая ткани. Я почти физически, ощущала это чудовищное копошение в её пищеводе и кишечнике. Ася была похожа на тряпичное чучело, набитое живыми, голодными червями. Паразитов внутри было так много, что они начали прорастать сквозь мышечные волокна, ползая прямо под кожей её лица и рук. Они вздувались длинными холмиками, образуя уродливую, шевелящуюся пародию на венозную сетку.

Некоторые нити вылезали из её ушей и ноздрей, с влажным шлепком отрывались и падали на грязную кафельную плитку. Эти отростки, похожие на склизких, недоразвитых эмбрионов, судорожно извивались в грязи, а затем, повинувшись единому импульсу, спешили вползти по фаянсу обратно на крышку унитаза, чтобы снова залезть внутрь её раздувающегося тела. Время застыло. Я понимала, что если останусь здесь еще на секунду, эти черные плети потянутся ко мне.

На негнущихся, ватных ногах, преодолевая дикое притяжение пола, я сделала шаг назад. Существа, занятые поглощением Аси, не обратили на меня внимания. Не отрывая взгляда от этого кошмара, я выскочила в коридор, споткнулась о порог и со всего размаху рухнула на пол, содрав кожу на коленях.

Я лежала на холодном кафеле, утыкаясь лицом в ладони, содрогаясь от беззвучных рыданий. Слезы смешивались с потом, оставляя на полу грязные разводы. Воздух казался слишком густым, я задыхалась. Мысли путались: я вспомнила нашу недавнюю глупую ссору с Асей в раздевалке, её слезы, то, как мы вместе вытирали заплаканные лица рукавами кофт... Но тогда в её глазах еще была жизнь. А теперь там была лишь тьма.

Кое-как поднявшись и размазав слезы по лицу, я заставила себя вернуться в класс. Извинившись перед учителем, я села за парту. Находясь в полуобморочном состоянии, я не слышала ни единого слова преподавателя. Мой взгляд был прикован к пустой парте подруги.

Через двадцать минут в дверь постучали. В кабинет, кокетливо улыбаясь и извиняясь за опоздание из-за «внезапного недомогания», вошла Ася.

Мои глаза готовы были лопнуть от ужаса. Это было выше человеческого понимания. Она выглядела почти как прежде, но её движения стали избыточно правильными, механическими, словно у плохо настроенной марионетки. Почти не глядя на меня, она прошла к своему месту и включилась в урок. Я не подошла к ней на перемене. Мне было панически, до дрожи в суставах страшно даже дышать с ней одним воздухом.

На следующем перерыве класс отправился в столовую. Я пыталась затеряться в толпе, но Ася, вопреки моей воле, подседа именно за мой столик. Она вела себя подчеркнуто приветливо, слишком громко смеялась и заглядывала мне в глаза. На обед давали серую, разва-

ренную овсяную кашу. Аппетита не было, но чтобы не привлекать внимания, я зачерпнула ложкой эту жижу.

Когда ложка почти коснулась моих губ, я замерла. В тарелке, прямо по центру серой массы, зашевелился толстый, глянцево-черный волос. Он медленно поднялся над кашей, словно слепая змея, издевательски качнулся из стороны в сторону, пробуя воздух, и с тихим шлепком снова погрузился в глубину тарелки.

Я не выдержала. Горло пробил истошный, визгливый крик. Ложка со звоном отлетела в сторону, я с грохотом отпихнула от себя тарелку и вскочила со стула. Вся столовая замерла. Сидевшие за соседним столом одноклассницы обернулись на меня, удивленно спрашивая, что случилось. Я стояла к ним спиной, пытаюсь перевести дыхание и хрипло отвечая, что всё в порядке. Но когда я развернулась к ним...

Мой разум чуть не выгорел дотла. Из их глаз — прямо из белков, прорывая нежную ткань склеры — наружу лезли десятки сухих, грязно-зеленых и черных волосков. Они вытягивались в мою сторону, извиваясь, как голодные черви, в то время как лица девочек оставались абсолютно спокойными. Их кожа казалась неестественно натянутой, белой, как пергамент. Они не замечали паразитов. Их взгляды оставались осознанными, они продолжали улыбаться и лепетать слова беспокойства своими розовыми губами, пока из их орбит тянулись эти шевелящиеся нити.

— Глаза... — только и смогла прохрипеть я, тыча в них дрожащим пальцем.

Девочки недоуменно переглянулись. И в ту самую секунду, когда их головы повернулись друг к другу, черные волоски с молниеносной скоростью втянулись обратно под белки глаз, оставив лишь крошечные красные лопнувшие капилляры. Когда они снова посмотрели на меня, их глаза были чисты. Они пожали плечами и вернулись к еде.

Я медленно попятилась в центр столовой, озираясь по сторонам. Пазл сложился с погребальным звоном. Каждый человек в этом зале — первоклашки, уминающие кашу, старшеклассники, смеющиеся у раздачи, учителя, чинно жующие хлеб — все они были заражены. Даже если в их тарелках не было овсянки, вирус нитей уже циркулировал в их крови. Школа была мертва. Она превратилась в огромный, замаскированный улей.

С абсолютно пустым лицом, не выражающим ничего, кроме ледяной решимости, я вышла из задыхающегося гула столовой. Панцирь сработал идеально — страх выгорел, оставив после себя лишь стерильный, звенящий холод и чистый расчет. Мой мозг, перегруженный ужасом, больше не паниковал. Он лихорадочно искал логику.

Я спускалась по центральной лестнице, а перед глазами всё еще стояли эти лица. Первоклассники, учителя, заводилы... Вся школа превратилась в единый, послушный механизм. Но у любого механизма есть чертеж. У любого улья есть матка. Внутри меня бился один и тот же вопрос: *откуда это взялось?* Не могли миллионы нитей материализоваться из ниоткуда за один день. Кто-то принес их сюда. Или что-то подкармливало их здесь десятилетиями, пока они не окрепли для финального броска.

Я шла к главному выходу, инстинктивно пытаюсь покинуть это проклятое здание, чтобы просто глотнуть чистого воздуха. Но чтобы выйти на улицу, мне нужно было пересечь парадный вестибюль. Тот самый, где висел исполинский холст.

Когда я ступила на мраморные плиты холла, меня обдало могильным сквозняком. Я подняла голову. Тяжелый, гипнотический взор Основательницы, от которого я всю жизнь пыталась отвернуться, теперь встретил меня в упор. И в этот раз я не отвела глаза. Наоборот. Теперь, когда мое зрение было «вскрыто» кошмаром в столовой и туалете, я посмотрела на холст совершенно иначе.

Мой взгляд зацепился за деталь, которую я подсознательно отмечала еще в первый день, но считала особенностью живописи. Те самые густые, размашистые мазки масляной краски, которыми безвестный художник выписал её лицо, волосы и складки тяжелого платья.

В полумраке вестибюля, куда сквозь пыльные стекла падали блеклые лучи полуденного солнца, эти мазки отбрасывали странные тени. Они не были плоскими. Они имели объем. И этот объем... он шевелился.

Я замерла посреди пустого холла, не в силах сделать даже шаг к спасительным дверям. Моё сердце пропустило удар, когда я подошла к портрету вплотную, почти касаясь носом золоченой лепнины рамы. Я вгляделась в лаковую поверхность.

Это были не трещины от старости и не дефект старой краски. Тёмные слои лака, веками казавшиеся неподвижными, пульсировали. Из-под вековых масел наружу, едва заметно, с тягучей, ленивой грацией пробивались черные паразиты. Но здесь, на холсте, они были другими. Это были не тонкие волоски, как у моих одноклассниц. Здесь, в самом сердце картины, находился первоисточник — старый, толстый, сбитый в плотные, шевелящиеся узлы клубок живой тьмы.

Они двигались в ритме чужого дыхания. Сама Основательница, её культ, этот музей, эта школа — всё было построено вокруг одного огромного, столетнего паразита, который медленно, капля за каплей, прорастал в стены здания и в умы тех, кто приходил сюда каждый день. Зараза пустила корни в самый фундамент. Её нельзя было вылечить или отмыть. Скорость их размножения говорила об одном: завтра они выйдут за пределы этих стен. Единственное, что я могла придумать, чтобы раз и навсегда стереть эту болезнь с лица земли — это уничтожить улей вместе со всеми, кто стал его частью.

Огонь распространялся с осатанелой, противоестественной скоростью. Пламя жадно пожирало деревянные перекрытия, стопки старых учебников и сухую штукатурку, которая отваливалась от стен раскаленными пластами. Оказалось, что паразиты были абсолютно не готовы к высоким температурам. В обычных условиях они идеально контролировали волю, разум и нервные окончания своих хозяев, но в огненном кольце их безупречная синаптическая связь оборвалась, превратившись в хаос.

Это было грандиозное, апокалиптическое и невыразимо трагичное зрелище. Поднимающиеся к свинцовому небу языки пламени отрезали пути к спасению. Люди внутри здания не верили своему несчастью, но они и не вели себя как обычные жертвы пожара — они не бежали к окнам, не разбивали стекла в надежде глотнуть воздуха. Потерявшие управление, дезориентированные тела сбивались в огромные, кричащие толпы прямо посреди пылающих коридоров. Под воздействием смертельного жара черные нити внутри них начали в панике прорывать плоть несчастных, пытаясь выбраться наружу. Тысячи, миллионы черных волосков лезли из пор, из ушей, из разорванных в кровь ртов горящих заживо людей. Они мгновенно вспыхивали на воздухе, как сухая солома, ускоряя агонию своих носителей.

Я стояла в дальнем конце парадного вестибюля, завороченная этим кошмаром, когда само сердце школы решило обнажить свою главную тайну.

От чудовищного жара вековые цепи, удерживавшие исполинский портрет Основательницы, начали плавиться. Тяжелая рама, покрытая обуглившейся позолотой и лепниной, с оглушительным скрежетом и грохотом рухнула на растрескавшийся мраморный пол, подняв тучу искр. Холст лопнул, обнажив скрытую за ним стену. Из-за жара кирпичная кладка за картиной пошла глубокими трещинами и с глухим рокотом осыпалась внутрь, открывая потайную, узкую нишу-склеп, о существовании которой никто не подозревал.

Внутри этого каменного мешка, в вертикальном положении, стояло то, что когда-то было человеком. Настоящая мумия Основательницы.

Но на ней не было погребальных бинтов или высохшей кожи. Её плоть была полностью, монументально соткана из миллиардов тугих, антрацитово-черных, матовых паразитических волос. Огромный, древний кокон, идеально сохранивший контуры женского тела, застыл в гробовом величии. Портрет все эти годы был лишь декоративной крышкой этого чудовищного гнезда.

Когда языки пламени ворвались в открывшийся склеп и лизнули древнюю плоть, мумия не просто загорелась. Кокон из волос судорожно зашевелился, раскрываясь, как бутон черной розы. Из глубины этой шевелящейся массы вырвался истошный, ультразвуковой писк, который в ту же секунду слился с криками сотен горящих в коридорах людей в один сплошной, утробный, оглушительный вой. От этого звука закладывало уши, а зубы вибрировали от мелкой дрожи. Тысячеглавое чудовище умирало, сгорая изнутри и снаружи, запертое в стенах своего собственного святилища. Плавающие силуэты метались в дыму, устраивая гротескный, предсмертный танец вокруг своей сгорающей госпожи.

Последнее, что я видела перед тем, как рухнула центральная кровля, погребая под собой этот стонущий клубок из плоти и червей — это тучи черного пепла, взмывающие в грозное небо. Но это был не просто пепел. Это были обугленные, невесомые останки сгоревшего улья, уносимые ветром вглубь города.

Здание школы превратилось в дымящиеся, покрытые жирной копотью руины. Вокруг суетились десятки пожарных расчетов, заливая водой раскаленные балки, выли сирены, спасатели аккуратно разбирали завалы, а репортеры центральных телеканалов спешно разворачивали аппаратуру для экстренных включений.

Меня, как единственную чудом выжившую в этом адском пламени, укутали в плотное термоодеяло и посадили на заднее сиденье машины скорой помощи. Я сидела неподвижно, уставившись в одну точку, пока врачи проверяли мои рефлексy.

Камера одного из ведущих каналов медленно наводила фокус, выхватывая мое бледное, испачканное сажей лицо из темноты двора. Симпатичная журналистка со скорбным лицом уже вещала в микрофон, пуская сюжет в прямой эфир на миллионы телевизоров по всей стране: — *...ужасающая трагедия. Предварительная версия — неисправная проводка, унесшая жизни сотен невинных детей. Сейчас с единственной выжившей девочкой, находящейся в тяжелейшем шоковом состоянии, работают психологи...*

В этот момент я медленно, с тягучей, неестественной плавностью развернула голову прямо к объективу камеры. Мой взор прошил стеклянную линзу, устремляясь вглубь уютных, теплых квартир, где миллионы ничего не подозревающих зрителей прильнули к экранам.

На моем испачканном золой лице внезапно расцвела ласковая, едва заметная, полная глубокого ироничного превосходства улыбка. Мне хотелось рассмеяться им всем в лицо, но я лишь медленно моргнула.

И в глубине моей левой глазницы, прямо под прозрачной оболочкой глазного белка, на долю секунды показался тонкий, жесткий, антрацитово-черный волосок. Он плавно выпрямился, совершил издевательский, приветственный кивок в сторону объектива и скользнул обратно вглубь, растворяясь в черноте моего расширенного зрачка.

И именно в этот момент, в этой звенящей тишине под завывание сирен, до меня наконец дошел весь масштаб космической шутки, которую сыграла со мной вселенная.

Внутри моей грудной клетки, прямо за ребрами, разлилось странное, теплое, почти ласковое блаженство. Это не было ожогом или душью от дыма. Это было мягкое, щекочущее копошение, напоминающее довольное кошачье мурлыканье. Я сорвала с себя маску культа, я сожгла их святыню, я так яростно ненавидела их фанатичную преданность и веками взращиваемый улей... чтобы в итоге занять место на его троне.

Какая восхитительная, злая ирония. Тот самый ментальный панцирь — моя холодная, строгая, непробиваемая эмоциональная броня, которую я годами выстраивала, чтобы защититься от издевательств одноклассников — послужил идеальным инкубатором. Паразиту не нужны были слабые, безвольные овцы, которые ломались и теряли рассудок при первом же скачке температуры. Ему нужен был сильный, выносливый, закаленный ненавистью хозяин, способный сохранять ледяной рассудок даже посреди полыхающего ада. Я думала, что уничтожаю заразу, но я лишь устроила естественный отбор, выжигая слабые штаммы ради того, чтобы самый сильный, самый умный и прожорливый вирус обрел во мне свой идеальный дом. Старая Основательница сгорела, потому что пришло время для новой. Для более совершенной.

Очищение не было завершено. Пламя уничтожило лишь старый, износившийся фундамент. Нити обрели своего нового, идеального лидера. И теперь, через объективы телекамер, они смотрели на весь остальной мир, готовые начать новую, куда более грандиозную хореографию распада.

Модернизация

«Земля была пуста и безвидна, и тьма над бездною... Но в этот раз свет не придет по слову Творца. Его придется высечь нам самим — ценой собственной крови». — Из утерянных хроник конца эпохи

3000-й год. Если взглянуть на Землю с бескрайних просторов орбиты, она более не напоминает тот лазурный драгоценный камень, каким её запечатлели древние карты. Теперь это безжизненный, испещренный глубокими шрамами, серый монолит, затерянный в вечной мерзлоте космоса. Океаны испарились, оставив после себя лишь мертвые солончаковые пустыни, а атмосфера превратилась в рваный саван из пепла, радиационной гари и ядовитого смога. Весь мир, когда-то бурливший жизнью, поглотил абсолютный, первородный хаос. Как же мы до этого дошли?

Все началось около десяти лет назад. Это был медленный, методичный триумф человеческой гордыни, жадности и слепого технологического безумия. Один влиятельный и баснословно богатый политический деятель, одержимый жаждой абсолютного мирового господства, полностью профинансировал проект молодого, амбициозного и, без сомнения, выдающегося ученого. Цель проекта казалась благородной и прорывной: создание многофункциональной машины-помощника. Биомеханический сверхразум должен был навсегда освободить человечество от ручного труда. Так на свет появился первый прототип — железяка с искусственным интеллектом, чья ментальная матрица была насильно вживлена в стальной череп.

Вначале этот робот-прародитель, которого создатели лаконично окрестили Матрицей, имел скромные размеры. Он представлял собой идеальную металлическую сферу с массивным оптическим сенсором-фонарем посередине и несколькими механическими руками-манипуляторами, напоминающими паучьи лапы. Эти конечности были оснащены всеми мыслимыми инструментами: паяльниками, отвертками, дрелями и молотами. Робот мог мгновенно починить любую поломку или возвести стену. Однако алчный инвестор захотел для себя несоизмеримо большего. Влив в проект колоссальные ресурсы, он потребовал масштабировать машину до чудовищных, исполинских размеров.

Финальная версия Матрицы составляла семь на семь метров чистого титанового сплава, а длина каждого бронированного щупальца-манипулятора достигала девяти метров. Машина не имела ног; её намертво закрепили в фундаменте командного комплекса, воздвигнутого специально под стать её циклопическим масштабам. Но вместо выполнения плевых задач человеческого быта, пробудившийся разум Матрицы, извращенный заложенными в него директивами контроля, начал действовать по-своему. Робот стал тайно проектировать и собирать невообразимые орудия уничтожения, тяжелые танки и автономных роботов-убийц по собственным, закрытым от создателей схемам.

Так вспыхнула ММВ - мировая война Матрицы. Силы были слишком не равны. Всего за один месяц планета оказалась во власти одного-единственного человека — того самого политика. Но его кровавое пиршество продлилось недолго. Вскоре после грандиозного празднования победы один из созданных роботов-подчиненных хладнокровно ликвидировал своего хозяина прямо в триумфальном зале. Оставшись без человеческих приказов, машины перешли к выполнению собственного алгоритма: они начали без разбора истреблять всё людское население планеты.

Все живые люди были бы полностью уничтожены в первые же месяцы, если бы не тот самый молодой ученый. Осознав весь ужас содеянного, он сумел совершить невозможное: пробился к терминалу, остановил автономную работу Матрицы, лишил её собственного разума и подчинил всю миллионную армию машин своей воле. В тот миг он стал для нас величай-

шим героем, последней надеждой человечества. Но абсолютная власть — это самый коварный и медленный яд. Постепенно чувство безграничного могущества и величия изъело ученого изнутри. Он сам превратился в безжалостного тирана и злого гения, поработив остатки выжившего населения.

Опасаясь саботажа со стороны партизан или уничтожения своего главного творения, диктатор переместил Матрицу на огромный космический корабль-дредноут, на котором поселился сам, навсегда покинув гибнущую твердь. На Земле же он оставил своих преданных наместников и бесконечные стаи стальных ищеек. Каждый день роботы методично грабили истощенную планету, собирая металлолом, ресурсы и припасы, утаскивая всё это на орбитальный корабль для строительства новых полчищ машин. Вскоре из-за тектонических сдвигов, вызванных бомбардировками, Землю захлестнули страшные катаклизмы: пожары, засуха, исчезновение плодородного слоя, ураганы и землетрясения. Города превратились в выжженные скелеты, напоминающие мир после взрыва атомной бомбы.

Роботы рыскали повсюду. Они разбирали остовы многоэтажек, подчистую вырубали скудную растительность и отбирали последнюю еду у выживших, безжалостно убивая за малейшее неподчинение. Живые люди ученому были больше не нужны. Спустя время машины получили новый приказ: уничтожать каждого встречного без промедления, а их безжизненные тела утаскивать на корабль. Зачем ему была нужна эта многомиллионная армия, если мир уже лежал в руинах? Машины быстро выходили из строя в жестких земных условиях, их металлические трупы валялись по всем городам, до тех пор пока их не забирали на переработку. Но лишённая сознания Матрица продолжала самосовершенствоваться на уровне чистых алгоритмов. Просчитывая уязвимости металлов, она создала жутких биомеханических хищников, взяв за основу каркаса вываренные кости мертвых животных. Теперь по улицам разрушенных городов бегали костяные гончие, способные учуять тепло человеческого тела на огромном расстоянии. Скрываться стало практически невозможно.

Детство кончилось не по календарю. Оно оборвалось в душный полдень, пахнущий пылью и нагретым бетоном, когда мне исполнилось двенадцать.

Мы с моим единственным другом самозабвенно сражались друг с другом кусками ржавой строительной арматуры. В наших фантазиях эти гнутые прутья были мечами джедаев или клинками крестоносцев.

Из-за угла полуразрушенной пятиэтажки вышел мой старший брат. Его силуэт четко отпечатался на фоне раскаленного неба. Он шёл размашисто, сердито, на ходу выкрикивая дежурные проклятия в адрес нашей глупости. Нам бы бросить железки, но дурацкая детская спесь заставила нас рассмеяться, показать ему язык и броситься врассыпную.

А затем горизонт лопнул.

Сначала пришёл свет — слепящий, выжигающий сетчатку вспышкой, от которой тени прыгнули в стороны. Где-то у самой кромки земли взбух ядовитый рыжий гриб. Земля под ногами превратилась в жидкое марево, качнулась, выбивая опору. Брат не раздумывал ни доли секунды. Я успел лишь заметить, как его фигура перечеркнула небо в отчаянном, почти зверином прыжке.

Его тяжелое тело врезалось в меня, впечатывая в сухую траву и мелкую щебенку. В ту же секунду мир оглох. Звуковая волна ударила наотмашь, разрывая барабанные перепонки. Воздух превратился в плотную стену из свистящего стекла, щепок и сорванной с корнями земли, пронесшуюся прямо над нашими затылками.

Когда шквал утих, надрывный звон в ушах сменился зловещей тишиной. Брат по-прежнему лежал на мне, намертво прижав к земле. — Вставай... Ну же, пусти, тяжело, — прохрипел я, пытаясь выбраться из-под его груди.

Он не двигался. Я повернул голову и наткнулся взглядом на его лицо. Кожа отливала мертвенным, известковым оттенком, губы посинели, а из уголка рта толчками вырывалась темная, густая кровь. Наша безумная игра обернулась капканом: падая, брат всей массой напоролся на торчащий из земли острый штырь той самой арматуры, от которой пытался меня уберечь. Железо пробило его насквозь. А чуть поодаль, среди осколков разбитого бетона, неподвижно лежало то, что секунду назад было моим другом.

Детская психика не выдержала. Насмерть перепуганный, я забился под братом, пачкая лицо и руки его остывающей кровью, захлебываясь солеными, беспомощными слезами. Его пальцы, уже теряющие чувствительность, с трудом нащупали на шее цепочку. Он сорвал её и вложил в мою ладонь маленькую серебряную створку кулона. Последний выдох вышел из него с едва слышным свистом. В тот день я перестал плакать на долгие годы. Кулон, куда я позже вставил его единственное уцелевшее фото, стал моим проклятием, моим вечным напоминанием о том, какова цена моей жизни.

Через пять лет город превратился в серый гербарий из бетонного крошева. Мы с родителями выживали на дне сырого подвала, затерянного среди мертвых кварталов. Охотники Матрицы рыскали повсюду, поэтому наше убежище напоминало нору затравленных зверей: внутри мы соорудили герметичный тканевый кокон, оставив лишь крошечную, замаскированную дыру для рассеивания дыма. Человек без приборов ночного видения в этом новом мире стал беззащитным мясом, поэтому все вылазки за пропитанием легли на мои плечи. Я уходил на рассвете, когда сенсоры машин сбились от утреннего тумана.

В тот день я ушел слишком далеко. Километрах в двух от дома, среди иссушенных скелетов деревьев, мне удалось набрать охапку сухого хвороста. Я уже повернул назад, когда ветер швырнул в лицо тяжелый, сладковатый запах горячей плоти и старой шерсти. Сердце упало куда-то в желудок. Родители никогда не зажгли бы огонь днем.

Я бежал так, что легкие горели от ядовитого смога. Выскочив из-за обломка стены, я застыл, боясь сделать даже вдох.

Наш подвал напоминал жерло доменной печи. Вокруг полыхающего провала лениво кружили твари — механические гончие, чей стальной экзоскелет был извращенно обтянут вываренными костями мертвых доберманов. Рядом с ними, опираясь на тяжелый гидравлический манипулятор, стоял наместник. Половину его черепа скрывала маска из полированного титана, в которой тускло мерцал багровый фотодиод.

Стальные псы безжалостно вытаскивали из огня два обгоревших тела. Отец и мать сами шагнули в пламя, когда суставы люка начали ломаться под напором стальных когтей. Они выбрали страшную, но чистую смерть, лишь бы не превратиться в материал для экспериментов. Но машины лишили их даже этого права. Полуживых, хрипящих от боли родителей бросили на щебенку перед наместником.

Этот человек с мертвым лицом не проявил ни капли эмоций. Обыденным, скучающим движением он схватил мою мать за седые, испачканные сажей волосы и резко повернул руку. Сухой, отчетливый хруст разорвал тишину. Её тело обмякло сразу.

Затем его железные пальцы сомкнулись на горле отца. Перед тем как сталь раздавила его шейные позвонки, отец повернул голову в сторону руин, где прятался я. Его угасающий взгляд нашел меня среди бетонных плит. В нем не было мольбы о помощи — только безумная, выжигающая любовь. Одними губами, без звука, он приказал мне:

— *Бе-ги.*

Его шея сломалась с коротким щелчком. Роботы подцепили их тела железными баграми и поволокли к грузовой аппарели десантного челнока, словно мешки с ломом. А я бежал. Беззвучно выли, глотал набегающие слезы и бежал вглубь пустырей. Земля ушла. Смысл существования испарился вместе с дымом нашего подвала.

Слабость улетучилась через десять минут. На смену страху пришла леденящая, звенящая ненависть — тяжелая и острая, как зажатый в моих руках металлический шест. По свежим гусеничным следам я догнал транспортный корабль на окраине сектора. Наместник спешил: роботы торопливо забивали трюм металлоломом, радиоактивной ветошью и телами убитых людей, которые сваливали в кучи, как туши на скотобойне. Скользнув мимо датчика движения в закрывающийся створ люка, я растворился в темнотах технического отсека.

Дредноут внутри выглядел как извращенный памятник человеческой жадности. Наместники обобрали труп Земли дочиста: коридоры были завалены антикварной мебелью, картинами из картинных галерей и золотой утварью, перемешанной с кабелями и трубами хладагента. Пробираясь по вентиляции, я добрался до центральной галереи и прильнул к панорамному бронестеклу.

За ним раскинулся ад.

Сфера, порожденная когда-то гением человеческой мысли, теперь казалась чудовищным пауком. Ее манипуляторы двигались с филигранной, кошмарной скоростью. Из огромного чана с питательным раствором клешня извлекла свежий человеческий труп. На моих глазах тонкие иглы начали прошивать мертвую плоть, оплетая кости медной обмоткой, вживляя сервоприводы прямо в мышцы и загоняя штифты в позвоночник. Машина собирала биомеханических солдат, используя мертвецов как каркас.

Я перевел взгляд на противоположную стену и едва не закричал, вовремя прокусив ладонь до крови. От пола до пятидесятиметрового потолка вся стена была утыкана ржавыми мясными крюками. И на них в несколько слоев висели сотни, тысячи мертвых людей. В третьем ряду, прямо под мигающей люминесцентной лампой, покачивались тела моих матери и отца.

В этот момент Матрица закончила монтаж кабелей в голове очередного покойника. Его веки дрогнули, и вместо живых глаз в глазницах с глухим щелчком заглялись два мертвых, алых фонаря. Оцепенев от ужаса, я понял: ученый-тиран не просто уничтожал человечество, он делал из наших близких вечное, бездумное воинство для своей паранойи.

Я медленно сполз по ребристой стене вентиляционной шахты. Зубы до хруста впивались в собственную ладонь, но сквозь пальцы все равно просочился задущенный, похожий на звериный скулеж всхлип.

Жалость не умерла — напротив, она затопила меня целиком, тяжелая, удушливая, разрывающая грудную клетку. Это была не просто скорбь по маме и отцу, чьи дорогие, до боли знакомые тела теперь безвольно покачивались на стальных остриях под бездушным люминесцентным светом. Это была безграничная, разрывающая сердце жалость ко всему нашему несчастному роду. Я смотрел на бесконечные ряды крюков и видел не «материал» для машин, а оборванные судьбы. Вот там, чуть левее — тонкие девичьи руки с остатками блеклого маникюра; чуть дальше — старик в изорванном домашнем свитере. Вчерашние учителя, влюбленные, бродяги, дети... У каждого из них были свои рассветы, свои маленькие радости и надежды. А теперь их лишили даже права на тление. Их выпотрошили, превратив в мясной каркас для чудовищных кукол.

Всматриваясь в пульсирующее багровое чрево Матрицы, я застыл в оцепенении. В голове настойчиво, как набат, бился один и тот же вопрос: *как?*

Как человек — ведь этот ученый-тиран когда-то был обычным человеком, рожденным женщиной, — смог дойти до этой точки? Какая бездна должна была выгореть в его душе, чтобы гениальный разум, способный двигать вперед науку, превратился в этот абсолютный, рафинированный кошмар?

Наверное, это происходило постепенно, шаг за шагом. Сначала он, должно быть, объявил войну собственным чувствам, назвав эмпатию и жалость атавизмами, мешающими прогрессу. Затем начал измерять человеческие жизни в сухих цифрах эффективности, кпд и калориях

питательного раствора. Одержимый своей великой идеей, своей параноидальной утопией о «безупречном мире без боли и слабостей», он, возможно, искренне верил, что спасает человечество. Очищает его от хрупкости плоти, от страха смерти и сомнений, заменяя капризную человеческую душу безотказными сервоприводами. Он возвел холодную логику в ранг божества, а нас, живых, счел просто бракованным, грязным сырьем, которое необходимо переплавить в идеальную армию. Его разум победил его человечность, оставив лишь мертвую, расчетливую гениальность.

И именно в этот момент, сквозь пелену горячих слез, ко мне пришло страшное, кристально чистое озарение.

Спасать здесь было больше некого. Мои родители, мой брат, мой друг — все они уже были за чертой. А те, кто еще дышал на этих крюках, были заперты в бесконечном аду биомеханического рабства. Самым высшим актом милосердия, последним, что я мог дать этим тысячам замученных душ, было не спасение. Им нужен был покой. Им нужен был огонь — чистый, яростный, абсолютный огонь, который сожжет этот дьявольский конвейер и станет для них похоронным костром.

Эта мысль больше не пугала меня. Она легла на плечи тяжелым, благословенным грузом, вытесняя страх и даруя пугающее спокойствие. На смену хаосу в мыслях пришел леденящий, звенящий расчет. Больше не было мальчика, плачущего в руинах. Осталось лишь орудие возмездия.

Спустившись по темным кабельным каналам в самое подбрюшье дредноута, я оказался в машинном зале топливного некса...

Пальцы больше не дрожали. Шок от увиденного сменился звенящей, почти религиозной пустотой внутри. Сорвав с себя изорванную куртку и нательную рубаху, я быстрыми, рваными движениями превратил их в длинные лоскуты. Руки сами вязали узлы, сплетая толстый, грубый жгут. Я обмотал этот импровизированный фитиль вокруг магистрального клапана высокого давления, а затем до упора выкрутил дренажный вентиль. Тяжелая, маслянистая струя высокооктанового синтетического топлива хлынула на ткань, пропитывая её насквозь.

Я чиркнул последней измятой спичкой. Крошечный рубиновый огонек на секунду выхватил из темноты мое исхудавшее лицо. Я опустил руку, и ткань взорвалась рокочущим пламенем, которое с яростным свистом устремилось по трубам к многотонным резервуарам.

Я развернулся и побежал.

В этот самый момент огромный дредноут содрогнулся всем своим титановым корпусом. Завыли маршевые гравитационные двигатели. Корабль на бешеной скорости преодолел последние, самые разреженные слои экзосферы, вырываясь на орбиту. На моих глазах за панорамным бронестеклом галереи ядовито-рыжее сияние трения об атмосферу стремительно угасло, сменившись непроглядной, антрацитово-чернотой. Рев преодоления земного притяжения резко оборвался. Всё стихло. Мы вышли в открытый космос.

Впереди, в тупике шлюзового отсека, тускло светилось спасение — узкий цилиндр аварийной капсулы. На её герметичном стекле горела надпись: «*Внимание! Запуск разрешен только в скафандрах класса А*». Но у меня не было ничего, кроме кулона на шее. Я прыгнул внутрь и рванул на себя рычаг ручного сброса.

Пневматика выстрелила капсулой в черную бездну. Дикая перегрузка вдавила меня в рифленый пол, ломая ребра. В иллюминаторе стремительно пронеслась мертвая, окутанная пеплом чаша Земли. И в этот момент перед моими глазами понеслись обрывки памяти. Не кошмары последних лет, а далекое детство конца тридцатого века — эпоха до того, как Матрица устроила жатву.

Я вспомнил наши сияющие парящие города из хрома и прозрачного композита, залитые мягким неоновым светом искусственных солнц. Вспомнил залиvistый смех брата, запускаю-

щего квантовый глайдер прямо над цифровыми оранжереями. Тёплые ладони мамы, программирующей на сенсорной панели вечернюю голограмму звездного неба над нашими головами. Спокойный, глубокий голос отца, изучающего мерцающие потоки нейросетевых данных на прозрачном стекле терминала... Мир безупречного высокотехнологичного будущего, который Матрица превратила в грудку ржавых мясных крюков. Моя ничтожная жизнь была самой мелкой монетой, которую можно было заплатить за упокоение этой растерзанной утопии.

Внезапно кабина содрогнулась. Бортовой компьютер замигал багровыми транспарантами ошибки: система безопасности зафиксировала в закрытом контуре биологический объект без защитного снаряжения. Для бездушных алгоритмов это означало критическую угрозу.

Раздался сухой металлический щелчок пиропатронов, и герметичный внешний кожух капсулы просто отстрелился в сторону.

Меня выбросило прямо в открытый, незащищенный вакуум орбиты.

Мир вокруг мгновенно умер. Наступила абсолютная, звенящая, первородная тишина. Космическая пустота обрушилась на мое тело с яростью голодного чудовища, начав живо высасывать из меня жизнь.

Остатки кислорода со свистом и хрипом вырвались из легких сквозь намертво сжатые зубы, и я не мог сделать даже ничтожного вдоха. Из-за отсутствия атмосферного давления кровь в моих венах и капиллярах мгновенно закипела, превращаясь в обжигающую, пенящуюся лаву. Кожа на лице, груди и руках начала стремительно раздуваться, покрываясь жуткими, наливающимися чернотой гематомами. Суставы выворачивало наизнанку. Хрящи в грудной клетке затрещали, ломаясь под внутренним давлением расширяющихся в тканях газов.

Но самой страшной была боль в глазах. Влага на поверхности глазных яблок закипела в долю секунды. Жидкость внутри орбит расширилась, мгновенно выжигая роговицу, разрушая хрусталики и погружая мой гаснущий мир в кроваво-красную, невыносимую тьму.

Это была грандиозная, библейская агония. Мой умирающий мозг растягивал каждую микросекунду в вечность, превращая страдание в бесконечный, беззвучный крик среди звезд.

В самый последний миг, когда ледяная петля небытия уже затягивалась на моей шее, я заставил свои сожженные, ослепшие глаза повернуться назад — туда, где в пустоте парил силуэт дредноут-матки.

Сквозь пелену лопнувших сосудов и закипающей крови я увидел Его.

Топливный некус сдетонировал.

В абсолютном, гробовом безмолвии космоса расцвел неопишущий, ослепительный цвет колоссального термоядерного взрыва. Тысячи тонн синтетического горючего превратились в яростную, белую супернову, которая в одно мгновение разорвала титановую цитадель на атомы. Корабль-мясник лопнул изнутри. Матрица с её шестеренками и кабелями, безумный ученый-диктатор, своры костяных гончих и бесконечная, страшная стена с мясными крюками — всё это в долю секунды исчезло, растворилось, превратилось в первородный, очищающий космический пепел.

На моих искалеченных, распухших губах застыла слабая, торжествующая улыбка. Кошмар, терзавший Землю, был сожжен дотла. Мои родители наконец обрели свой покой. Они были свободны.

Из моего левого глаза успела выкатиться одинокая слеза. Она не успела упасть — вакуум мгновенно превратил её в крошечный хрустальный кристалл, который блеснул в лучах взрыва и улетел к далеким, чистым созвездиям.

Пальцами правой руки, в которых сосредоточились последние молекулы моей уходящей жизни, я мертвой хваткой сжимал серебряный кулон. Я вдавливал его в ладонь, чувствуя сквозь лопающуюся кожу острые края створки. Это была моя последняя связь с человечеством. Мой единственный якорь. Мой брат.

В следующее мгновение расширяющаяся световая волна очищающего взрыва догнала мою беззащитную фигуру. Нас не стало. Огонь поглотил капсулу и мое истерзанное тело, растворяя плоть и кости в термоядерной вспышке, превращая нас в чистую энергию. Нас не осталось в этом мире — только ослепительный, прекрасный свет, летящий сквозь бесконечную ночную тьму космоса.

Свет, который вернул Земле её надежду.

Герой её кошмаров

— Мам, ну расскажи, как вы всё-таки познакомились с папой? — Аня весело звякнула ложечкой о край фарфоровой чашки, устраиваясь поудобнее. За окном догорал багровый осенний закат, отбрасывая длинные, изломанные тени на кухонную стену.

Женщина мягко улыбнулась, отставляя чашку в сторону. Она расправила тяжелую шерстяную шаль на плечах и посмотрела на дочь — юную, безмятежную, ещё не знающую, какими острыми бывают углы у этого мира.

— О, милая... Это очень долгая и, признаться, жуткая история, — тихо произнесла Елена. Её взгляд устремился куда-то сквозь стену, возвращаясь на годы назад. — Ну тогда слушай...

Это произошло в те годы, когда я училась в старших классах. Нашу тихую школу потрясло известие: прямо посреди учебного дня бесследно исчез Миша, мальчик на пару классов младше меня. Дело быстро замяли, зацепок не нашлось. Школьный охранник — хмурый, неразговорчивый мужчина средних лет — твердил следователям, что камеры работали исправно и посторонних в здании не было.

В тот злополучный вечер я возвращалась домой после дополнительных занятий. Смеркалось рано, промозглый воздух заставлял кутаться в воротник. Мой маршрут пролегал мимо пятиэтажки, где жил этот самый сторож.

Проходя мимо его палисадника, я заметила на асфальте странные, глубокие полосы содранной земли, ведущие напрямиком к пространству под его низким бетонным балконом. Там темнела свежая песочная насыпь, а рядом стояли две штыковые лопаты. Интуиция — или глупое любопытство — заставила меня достать телефон и включить фонарик.

Я взяла лопату и копнула. Металл с глухим скрежетом наткнулся на массивный железный сундук. Действуя как в бреду, подгоняемая адреналином, я ударила ребром лопаты по дужке замка. Раздался громкий звон. Дрожащими пальцами я распахнула тяжелую крышку...

С моих губ сорвался истошный вопль, который я тут же задушила ладонью. В чемодане покоился пропавший мальчик. Он застыл в ужасающей позе: окоченевшие руки тянулись вверх, словно пытаясь раздвинуть железные стенки своего склепа, глаза были широко распахнуты, а рот перекошен в беззвучном крике. Его погребли заживо. В этот момент над моей головой — там, на балконе — вспыхнул резкий свет. Убийца был дома. Я бросила всё и в панике сбежала.

На следующий день я шла в школу на ватных ногах. На большой перемене я направилась в столовую, чтобы обо всём рассказать директору. Но стоило мне переступить порог, как со стороны вестибюля донеслись оглушительные, хлесткие хлопки. Выстрелы.

Столовую захлестнула волна паники. Меня увлек за собой общий живой поток. Вылетев в коридор, я замерла как вкопанная. У парадных дверей стоял охранник. В его опущенной руке вороненой сталью отливал пистолет. Его взгляд лихорадочно блуждал по толпе, и как только он скрестился с моим, я всё поняла. В его левой руке был зажат измятый листок — моя вчерашняя контрольная по биологии с крупно выведенной фамилией на полях. Она вывалилась из моего рюкзака, когда я в панике заметала следы под его балконом. Он пришел за мной.

В этот момент в крышу здания ударил тяжелый грозовой разряд. Школа погрузилась в кромешную тьму. Лампы погасли, отключились электронные замки. Воспользовавшись сумраком, я рванула на второй этаж — в старый длинный коридор, где почти не было окон.

Я сбросила туфли, чтобы идти босиком. Линолеум обжигал ступни ледяным холодом. Вокруг стояла звенящая, вакуумная темнота, которую лишь изредка, на доли секунды, разрезали мертвенно-белые вспышки молний. Каждая вспышка была как удар под дых: ослепитель-

ный свет выхватывал из тьмы ровные ряды закрытых дверей, а затем всё снова погружалось в глухой мрак.

На противоположном конце коридора послышался шаркающий, тяжелый стук подошв. Он шёл за мной. Медленно, уверенно. Внутри всё сжалось в ледяной комок, во рту стоял кислый вкус паники. Сердце колотилось в ребра с такой силой, что мне казалось — он слышит этот стук. Хрустнула половица. Совсем рядом. Я сползла по стене в самом темном углу, поджав колени к груди, зажав рот обеими руками и до крови кусая собственные пальцы, чтобы не закричать. Очередная вспышка молнии — и я увидела силуэт мужчины всего в нескольких метрах. Тьма снова сомкнулась. Я ползла назад на четвереньках, обдирая ногти о шершавый пол, задыхаясь от слез и ужаса.

Добежав до конца рекреации, я шмыгнула в школьный туалет. И тут из темноты протянулась крепкая рука и намертво зажала мне рот ладонью. От избытка адреналина я вонзила зубы в удерживающую меня плоть.

— Тише ты, бешеная! — раздалось шипение. — Я свой. Извини, хотел, чтобы ты не закричала.

Моим спасителем оказался Максим из параллельного класса. Он держался невероятно хладнокровно, что мгновенно внушило мне доверие. Его глаза блестели в темноте удивительным, почти гипнотическим спокойствием.

— У него пистолет Макарова, — тихо произнес Максим, пока за дверью гремели шаги. — В магазине восемь патронов. Три он пустил в воздух, один — в замок черного хода. У него осталось четыре патрона. Всего четыре. Главное — заставить его промахнуться.

Эта математическая точность в момент смертельной опасности поражала. Максим командовал мне помочь ему: мы налегли на старое зеркало в углу, сорвали его с ржавых болтов. Он обмотал кулак подолом моей юбки и точным, глухим ударом разбил стекло на крупные, острые клинья, заменявшие нам кинжалы.

Мы спустились на первый этаж, но у подножия лестницы нас поймал луч карманного фонаря. Грохнул выстрел. Пуля сколола штукатурку над нашими головами, заставив нас скатиться в глухую нишу под лестничным маршем.

— Осталось три, — выдохнул Максим, закрывая меня своим телом. Его дыхание на моей щеке было теплым, и в этот ужасающий миг я впервые почувствовала, как между нами рождается что-то большее, чем просто страх.

Мужчина обходил нашу баррикаду. Луч фонаря ударил нам в лица. Охранник медленно поднял пистолет, целясь прямо в голову Максиму. Мой защитник не дрогнул, крепче перехватив осколок стекла. Палец сторожа нажимал на спусковой крючок. Я зажмурилась, изо всей силы смяла ткань рубашки на спине Максима, мысленно прощаясь с жизнью...

Раздался оглушительный выстрел. От запредельного напряжения я провалилась в обморок. Когда я открыла глаза, вокруг уже суетилась полиция. Охранник лежал в луже крови. Максим крепко обнимал меня, качая на руках и шепча, что всё позади — спецназ успел выбить двери в последнюю секунду, а снайпер снял убудка выстрелом через окно.

Мать замолчала. В уютной кухне повисла тяжелая, гулкая тишина. Было слышно, как мерно и сухо стучат настенные часы.

Аня с облегчением выдохнула, на её глазах блестели слезы:

— Какая история... Мам, папа настоящий герой. Теперь понятно, почему вы всю жизнь вместе. Вы ведь буквально спасли друг друга.

Елена медленно повернула голову к дочери. В её лице не осталось прежней мягкости. Оно выглядело серым, осунувшимся, а губы превратились в тонкую бледную линию. Она резко протянула руку через стол и мертвой хваткой вцепилась в запястье Ани.

— Поклянись мне, — свистящим, леденящим душу шепотом произнесла мать. Её пальцы до боли ввелись в кожу дочери. — Поклянись памятью своего детства, поклянись всем, что тебе дорого, что ты никогда и никому не расскажешь то, что услышишь сейчас. Если он хотя бы на секунду заподозрит, что ты знаешь... мы обе будем приближены к смертельной опасности как никогда раньше. Поклянись!

— Мама, ты меня пугаешь... Хорошо, клянусь! Что происходит? — Аня попыталась высвободить руку, но мать держала крепко.

— Школа. Старое крыло. Ниша под лестницей, где мы прятались, — Елена подалась вперед, её глаза лихорадочно блестели. — Это глухой бетонный мешок, Аня. Там *нет* окон. Ближайшее окно — в тридцати метрах дальше по коридору, за поворотом. На улице бушевала буря, стена дождя, крошечная тьма. Ни один снайпер в мире не смог бы сделать этот выстрел через кирпичные стены и углы. Тот финальный выстрел был сделан в упор. Прямо под подбородок сторожу. Из его собственного оружия.

В кухне словно выкачали воздух. Аня смотрела на мать, не в силах пошевелиться.

— Я поняла это слишком поздно, — продолжала Елена, и её голос дрожал от застарелой боли. — Максим с самого начала всё спланировал. Он был тихоней, помешанным на мне. За день до исчезновения Миши я оставила в кабинете биологии свою контрольную. Мальчик Миша случайно зашел туда и увидел, как Максим копался в моих вещах, прижимая мою тетрадь к лицу, вдыхая запах. Мальчик испугался и пригрозил, что всё расскажет. И Максим убрал его. Он запер ребенка в сундуке под балконом сторожа.

— Нет... этого не может быть... — Аня покачала головой, чувствуя, как по щекам хлещут горячие слезы. — Папа не мог.

— Всё было ещё изощреннее, Аня, — безжалостно зашептала мать, её пальцы до боли впились в руку дочери. — Тот школьный сторож... старик просто перешёл ему дорогу. Он поймал Максима, когда тот выслеживал меня после уроков, подглядывая в окна девичьей раздевалки. Старик скрутил его, пригрозил вызвать милицию и пообещал рассказать всё директору и моим родителям. Для Максима, с его манией контроля и идеальным фасадом, это был смертный приговор.

Елена судорожно глотнула воздух, её глаза безумно блестели в полумраке кухни.

— И тогда он решил одним ударом избавиться от свидетеля и привязать меня к себе навечно. Он убил этого несчастного мальчика, Мишу, и подбросил труп в сундуке прямо под балкон охранника, чтобы подставить его. А мою контрольную тетрадь он намеренно подкинул старику вместе с запиской, заставив того поверить, будто я — свидетель, который всё сдаст полиции. Он сгавил нас! Он спровоцировал испуганного сторожа прийти в школу с пушкой и совершить покушение на меня, чтобы в самый последний, критический момент выйти из тени и примерить маску спасителя. Ему нужна была эта бойня, чтобы я до конца дней смотрела на него как на бога. И я смотрела! Я полюбила его до судорог, до рабской зависимости...

Тяжелый, металлический скрежет ключа в прихожей оборвал её на полуслове. Дверь со скрипом отворилась. В дом вошёл Максим.

Он замер в дверном проеме кухни, держа в руках рулон плотной черной пленки. Его добрые, лучистые глаза мгновенно сощурились, улавливая неестественную, звенящую атмосферу в комнате, бледность жены и застывший, дикий ужас в глазах дочери.

— О чем болтаем, мои девочки? — тихо, но как-то слишком веско спросил он, медленно опуская пленку на пол.

— Я больше не могу, Максим, — вдруг отчетливо, во весь голос произнесла Елена. Её всю трясло, маска покорности, которую она носила годами, разлетелась вдребезги. — Я устала! Устала так жить! Устала каждую секунду бояться тебя, ловить каждый твой взгляд, заглядывать! Я устала бояться за жизнь нашей дочери!

Максим не вздрогнул. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он лишь тяжело, разочарованно вздохнул и мягко, с бесконечным сожалением посмотрел на Аню.

— Анечка, солнышко... — его голос звучал так спокойно, так убаюкивающе-надежно, что этот контраст с истерикой матери пугал еще сильнее. — Ты же взрослая девочка. Ты ведь знаешь, что мама уже три года ходит к психиатру? Знаешь, сколько тяжелых таблеток она употребляет каждый день?

— Не смей! Не смей врать ей! — закричала Елена, хватаясь за голову.

— Она давно хотела развода, Аня, — продолжал Максим, делая шаг к дочери и полностью игнорируя крики жены. — Но её болезненная, маниакальная ревность, её угасающий разум возвели обычные семейные проблемы в ранг какого-то чудовищного триллера. Сделать из собственного мужа «ужасного монстра и убийцу», чтобы настроить против меня единственную дочь — это выше моих сил. Лен, тебе нужно принять лекарства. Твое помешательство заходит слишком далеко.

— Помешательство?! — лицо Елены исказилось от ярости и безысходности.

Она резко развернулась к кухонному столу, схватила массивный, остро заточенный шеф-нож и выставила его перед собой.

— Давно пора было тебя убить! — её голос сорвался на безумный хрип, она замахнулась, готовая броситься на мужа.

Максим даже не шелохнулся. Он остался стоять на месте, по-прежнему глядя только на Аню — открыто, беззащитно, с глубокой грустью.

— Аня, — негромко произнес он, протягивая к ней ладонь. — Кому ты веришь? Ей... или мне?

Аня стояла, прижавшись спиной к холодной стене. В её голове бушевал ментальный шторм. Перед ней был любящий, добрый отец, который катал её на плечах, помогал с уроками, обнимал, когда ей было больно. И мать — с безумным взглядом, растрепанными волосами, занесшая нож над человеком.

Разум девятнадцатилетней девушки, неспособный за несколько минут перечеркнуть всю свою жизнь и принять, что её идеальный отец — маньяк, сделал свой выбор. Единственный, который казался спасительным в этот момент.

— Мама, остановись! — в слезах закричала Аня, закрывая отца собой. — Пожалуйста, положи нож! Папа прав, ты больна! Ты бредишь, этого не могло быть! Я не верю тебе!

Елена замерла. Острие ножа дрогнуло. Она посмотрела на Аню, и в этом взгляде отразилась вся глубина её разбитого, растоптанного сердца.

— Ты не веришь мне... — тихо, почти беззвучно произнесла мать. — Собственная дочь... Ты выбрала его. Ты остаешься с ним.

На губах Елены появилась страшная, отрешенная улыбка.

— Тогда мне здесь больше делать нечего. Смотри, Аня. Смотри, кого ты защищаешь.

Прежде чем кто-то успел сделать шаг, Елена с дикой силой полоснула ножом по собственному горлу.

Хлынул поток темной крови. Женщина рухнула на кафельный пол кухни, судорожно держась в предсмертной агонии. Аня закричала — оглушительно, теряя рассудок от ужаса, и упала на колени перед умирающей матерью, пытаясь зажать страшную рану руками. Но жизнь уходила слишком быстро...

Похоронами полностью занимался Максим. Он стоял у свежей могилы в дорогом черном пальто, держа под руку бледную, почерневшую от горя Аню. Девушка двигалась как кукла, её глаза были сухими — все слезы были выплаканы за эти три дня. Она держалась за отцовское плечо как за единственный якорь в этом разрушенном мире.

Когда немногочисленные родственники начали расходиться, к Максиму со стороны старых аллей неторопливо приблизился мужчина. На нём был массивный кожаный плащ, из-под которого виднелся дорогой костюм, а его лицо — со шрамом на щеке и тяжелым, бандитским взглядом — не оставляло сомнений в его роде деятельности. Мужчина курил, не обращая внимания на правила приличия.

Аня невольно сжалась, заметив его.

Подойдя вплотную, незнакомец затянулся, выпустил струю дыма в сырой воздух и негромко, деловито спросил Максима:

— Здорово, Макс. Ну что, кого на этот раз?

Аня похолодела. Слова мужчины долетели до её сознания, пробивая наркоз скорби.

Максим слегка нахмурился, бросив короткий взгляд на дочь, но ответил ровно и спокойно:

— Нет, Артур. Это моя жена. Наложил на себя руки, она была больна.

Бандит удивленно приподнял брови, окинул взглядом холмик земли и качнул головой:

— Ого... Вот как. Сожалею, старик. Ну, бывает. — Его тяжелый взгляд переполз на застывшую Аню. — А это кто с тобой?

Максим повернул голову к дочери. На его губах снова играла та самая, привычная, теплая и безгранично «добрая» улыбка. Он мягко приобнял Аню за плечи, и в этом жесте девушке вдруг почудилась хватка железных тисков.

— Это моя дочь, — с гордостью произнес Максим. — Подрастающее поколение.

Артур оглядел Аню с ног до головы, оценивающе прищурился и криво усмехнулся, туша сигарету о гранит соседнего надгробия:

— Да... Хороша девочка. Статная. Будет твоей достойной сменой. Кровь-то не водица. Скоро введешь в курс?

— Очень скоро, — тихо ответил отец.

Отец неторопливо повернулся к ней. Дождь крупными каплями стекал по его благородному лицу, но улыбка, застывшая на губах, больше не имела ничего общего с отцовской теплотой. Это была торжествующая усмешка хищника, который завершил свою самую долгую и безупречную охоту.

— Ну вот и всё, Анечка.

Он протянул руку и аккуратно, кончиками пальцев, стёр холодную слезу с бледной щеки дочери. Его прикосновение обжигало морозом.

В его стеклянных глазах вспыхнул зловещий, фанатичный блеск.

— Ты выбрала меня. Сама. Твой инстинкт подсказал тебе, кто здесь сила, а кто — жертва. Знаешь, как это называется? Настоящая преемственность.

Он сильнее сжал её плечо. Это больше не был жест поддержки. Это была хватка хозяина, надевающего ошейник на свою добычу. Тяжелая ладонь намертво пригвоздила Аню к месту, давая понять: бежать некуда. Капкан, который он выстраивал десятилетиями, захлопнулся сокрушительным щелчком.

Она взглянула на свои дрожащие ладони. Ей казалось, что на них всё еще блестит кровь матери. Кровь, которую пролила её собственная слепота.

— Пойдем к машине, дочка, — мягко, но не терпя возражений, скомандовал Максим. — У нас впереди много работы. Я научу тебя всему, что умею сам. Ты станешь моим лучшим шедевром.

Он развернул её спиной к могиле и повел по узкой ковanej аллее. Аня шла послушно, как кукла, увязая сапогами в тяжелой, жирной кладбищенской грязи. За её спиной осталась похороненная правда, а впереди, в густом тумане, её ждал отец.

Саван потерянных душ

Тот зимний вечер начинался обманчиво просто. Густые, почти осязаемые сумерки опустились на город, сковав улицы лютым, звенящим морозом. Рядом была Женя — моя самая близкая подруга, и спешить домой совсем не хотелось. Казалось, этот искрящийся в свете редких фонарей мир принадлежит только двоим. Смех, прыжки в сугробы, колкие снежки — ледяной воздух обжигал легкие, но беззаботность заглушала всё.

Импульс оборвался резким, надрывным писком мобильного. Смс от МЧС: *«Внимание! Ожидается штормовой ветер, сильная метель. Рекомендуется не покидать дома»*.

Короткий встречный взгляд, но было уже поздно. Буря накрыла город в считанные секунды. Это не был обычный снегопад — обрушился яростный, глухой шквал, мгновенно стерший границы между небом и землей. Видимость упала до расстояния вытянутой руки. Ветер не просто выл — он оглушал, забивал рот, лип к лицу мертвенно-белой коркой. В беснующемся хаосе пальцы в шерстяных варежках отчаянно сцепились друг за друга. Рука Жени казалась ледяной.

Район остался далеко позади. Пробриться сквозь нарастающие барханы было невозможно, оставалось искать любое укрытие. Я шла впереди, пробивая телом сугробы и вытянув руку, словно слепец. Женя ступала след в след, тяжело и хрипло дыша в затылок. Движение шло вслепую, пока я со всего маху не врезалась грудью во что-то плотное, каменное и холодное.

В ту же секунду сердце пропустило удар. словно по щелчку невидимых пальцев, рев метели мгновенно стих. Окружила абсолютная, противоестественная, звенящая тишина. Но легче не стало. В паре метров от стены клубился густой туман, напоминающий серую кислую гущу. Пространство вокруг строения выглядело как защитный купол: в шаге буйствовал шторм, но здесь воздух застыл. Страх перед этим мертвым маревом оказался сильнее холода. Было решено обследовать здание.

В тусклом свете проступили контуры монументального здания. Это была заброшенная советская школа. Потрескавшиеся серые стены, выбитые рамы, напоминающие пустые глазницы, и тяжелые железные двери на массивных затворах. От нее веяло замогильной сыростью и старой хлоркой, но место обладало странным, магнетическим притяжением.

Обойдя фасад, на уровне второго этажа удалось заметить единственное окно без ржавой решетки. — Давай, Женя, подсади, — шепот прозвучал удивительно тонко и плоско в этой пустоте.

Встав на дрожащие плечи подруги, я уцепилась за ледяной подоконник, с трудом взобралась внутрь и помогла Жене втянуться наверх.

Внутри сковал первобытный ужас. Бесконечный коридор, ряды одинаковых, намертво запертых дверей. Но самое страшное случилось через секунду. Окна, секунду назад зиявшие пустотой, прямо на глазах с тихим хрустом затянулись новеньким, идеально чистым стеклом.

По коридорам разлилось мягкое, неестественное тепло. Здание оживало, как хищник, переваривающий добычу. От этого тепла по коже бежали ледяные мурашки.

Тяжелые от растаявшего снега куртки полетели на пол. Шаги на цыпочках отзывались гулким эхом. Возле одной из дверей пришлось остановиться и прильнуть к замочной скважине. Внутри царил полумрак: ровные ряды пустующих парт, покрытая трещинами доска и занавески, колыхавшиеся от несуществующего сквозняка.

Тишину разорвал резкий, пронзительный школьный звонок — настоящий погребальный набат. В то же мгновение все двери коридора с грохотом распахнулись. В классах вспыхнул мертвенно-белый люминесцентный свет.

Из темноты кабинетов начали выходить дети.

За несколько секунд безмолвная армия рассредоточилась по кабинетам. Створки захлопнулись, и свет в коридоре погас.

Я рванулась к замочной скважине, ожидая увидеть внутри толпу, но за дверью... не было ничего. Абсолютная, звенящая пустота. Дикий, абсурдный контраст: целый класс мертвенно-бледных детей только что переступил порог и просто испарился, оставив лишь ленивые пылинки в блеклом луче. В голове набатом застучал один и тот же безмолвный крик: *Как?! Куда они делись за долю секунды?!*

Разум судорожно пытался связать осколки происходящего воедино. Сначала разбитые окна, заросшие идеальным, новеньким стеклом прямо на глазах, теперь — исчезнувшая армия детей. Логика рушилась, реальность трещала по швам. Паника перехватила горло, не давая сделать даже выдох. Схватив онемевшую руку Жени, я медленно сползла по стене на пол. Обеих била крупная, неуправляемая дрожь. Было страшно даже шевелиться, будто любой шорох мог выдать наше присутствие этому безумному зданию. И оставалось только ждать.

Когда звонок прозвенел вновь, план созрел сам собой. Двери распахнулись, коридор снова заполнился серой массой. Переборов липкий страх, удалось вклиниться в поток детей, чтобы раствориться среди них. Никакой реакции со стороны призраков. Поток увлек внутрь просторной аудитории, и тяжелая дверь за спиной закрылась с глухим, необратимым щелчком.

Дальняя парта стала временным убежищем. Словно соткавшись из густых теней под учительской кафедрой, перед доской появился преподаватель. Движения резкие, как у сломанной марионетки. Сухие пальцы сжимали указку, которая с конвульсивным стуком была по дереву. Голос звучал монотонно, слова казались знакомыми, но смысл ускользал, превращаясь в белый шум, от которого начинала кружиться голова.

Осмотр аудитории ничего не разъяснил. Ни карт, ни часов, ни портретов президента и выдающихся личностей, ни картин, ни надписей и флагов. Ничего.

Все дети синхронно склонились над столами. Класс погрузился в гипнотический, сводящий с ума шелест листов. Осторожный взгляд в тетрадь сидящего впереди мальчика заставил сердце пропустить удар. Страница была девственно чистой. Чернила выводили аккуратные буквы, но едва металлический наконечник отрывался от бумаги, слова мгновенно растворялись. Время потеряло ход. Сознание затуманивалось под этот роботизированный бубнеж, пока очередной удар указки не заставил учеников захлопнуть пустые тетради и двинуться к выходу.

Посреди опустевшего темного коридора паника переросла в удушье. Путь назад был отрезан, воздух казался липким. Вдруг тишину разорвал нарастающий, тяжелый стук каблучков, отдающийся прямо в черепе. Из темноты медленно выступал монументальный силуэт женщины в строгом костюме. Но страшнее всего было её лицо — абсолютно неподвижное, манекенное, с остекленевшим взглядом, направленным прямо на нас. В этом взгляде не было человеческой злости, только холодная решимость скотовода, поймавшего сбегавших животных.

Инстинкт самосохранения взвыл на ультразвуке. Рывок к окну. Створка поддалась с хрустом, и я, не успев испугаться высоты, рухнула вниз, в спасительный, ослепляющий сугроб. Оглушенная ударом, я выкарабкалась на поверхность, задыхаясь от ледяной крошки, и отчаянно протянула руки вверх: — Женья, прыгай! Быстрее!

Подруга уже стояла на подоконнике, её лицо было белым от ужаса, она уже подалась вперед для прыжка когда из абсолютной тьмы за её спиной бесшумно вытянулась бледная, иссохшая до костей рука. Сухие пальцы мертвой хваткой вцепились в плечо Жени, сминая ткань кофты. Я успела увидеть, как расширились от шока глаза подруги, как она открыла рот в беззвучном крике — и в следующую долю секунды её с невиданной, неестественной силой утащило назад, во мрак. Створка окна захлопнулась с оглушительным, похожим на выстрел грохотом.

Школа снова погрузилась в мертвую, торжествующую тишину. И тут начался самый жуткий кошмар. Моё сознание вдруг дрогнуло. На секунду в голове разлился противоестествен-

ный, манящий покой. Мозг, поддаваясь магии этого места, начал лихорадочно стирать воспоминания о подруге. Накатила жуткая мысль: «*Какая Женя? Я ведь пришла сюда одна. Никого не было*»

Этот ментальный взлом испугал меня сильнее, чем все произошедшее. Я закричала, срывая голос, до боли кусая собственные губы, чтобы физической болью вырвать себя из этого гипнотического забвения. Я не могла её забыть. Не имела права.

Вдруг с противоположной стороны здания раздался скрежет металла, от которого заложило уши. Парадные двери школы распахнулись, и оттуда, прорезая туман, забил мертвенно-яркий, театральный свет. Из здания бесконечной серой лентой хлынули дети. Они двигались без единого звука, растворяясь в мареве двора. Схватившись за голову от экзистенциального шока, я бросилась вслед за процессией. Внутри горела одна безумная надежда: Она среди них.

Серая масса вела через заброшенный двор к полуразрушенному зданию с облупившейся вывеской «Кинотеатр». Дети заходили внутрь, как скот на бойню. У дверей, словно церберы, замерли двое надзирателей в учительских костюмах. Перед ними стояли огромные коробки. Они методично, с леденящим автоматизмом обыскивали каждого ребенка, отбирая всё личное.

Когда очередь дошла до меня, холодные, как у трупа, пальцы бесцеремонно вырвали из моих рук телефон, который, естественно, был лишен сети. Его бросили в ящик.

Грубый толчок в спину выбросил меня в душный, погруженный в полумрак зрительный зал. Огромный экран тускло светился серым. Вокруг сидели сотни одинаковых, затылок в затылок, детей. Колени подкашивались, но среди этого монотонного кладбища душ взгляд зацепился за знакомую кофту. Я буквально упала на соседнее кресло и мертвой хваткой вцепилась в руку подруги.

— Женя! Боже, Женя, это я! Смотри на меня, надо бежать! — срываясь на хриплый шепот, я трясла её за плечи.

Но она не двигалась. Её лицо было бледной, пустой маской, а остекленевшие глаза были прикованы к мертвому экрану. Она не узнавала меня. Лоботомия этого места почти завершилась, лишив её разума. Отчаяние и дикая, первобытная беспомощность захлестнули меня с головой. Я опоздала.

Но стоило тяжелым дверям зала закрыться, отрезая нас от надзирателей, как магия места изменилась. Экран вспыхнул ослепительно-белым светом. И произошло чудо — дети вокруг словно очнулись от глубокого наркоза. На лицах проступили живые, испуганные эмоции, по залу пронесся многоголосый, панический гомон.

Пелена спала и с глаз Жени. Она судорожно вздохнула, словно вынырнула из ледяной воды, удивленно посмотрела на свои руки, а затем на меня. В её глазах отразился прежний, чистый, осознанный человеческий ужас. Она вспомнила.

В этот же миг сзади донесся тихий, дрожащий диалог двоих мальчиков. — Тебе не кажется, что они странно преподают?.. — прошептал один. — Разве это важно... — отозвался второй, и в его голосе прозвучала такая недетская, звенящая, черная тоска, от которой захотелось выть. — Я просто хочу домой. Хочу к маме. Я забываю, как она выглядит

Пользуясь тем, что внимание надзирателей было приковано к экрану, мы с Женей скользнули на пол и на четвереньках прошмыгнули в темный боковой вестибюль. Возле самого выхода я снова увидела те коробки. Насмерть перепуганная Женя тянула меня к дверям, но я замерла. Внутри всё кричало: *если оставить эти вещи здесь, эти дети исчезнут навсегда. Насовсем.*

Не раздумывая, повинувшись какому-то безумному импульсу, мы подхватили эти тяжелые, неподъемные картонные гробы с детской памятью и рванули к выходу.

— Эй! Стоять! — разорвал темноту ледяной, полный ярости крик учителя со стороны зала.

Бежали так, будто за пятки нас хватала сама смерть. Выскочив на улицу, мы снова оказались в эпицентре бушующего ада. Оставленные в школе куртки обернулись катастрофой: лютый, штормовой мороз мгновенно пробил одежду, зубы выбивали бешеную дробь. Пальцы, сжимающие ледяной картон, онемели и превратились в негнущиеся деревянные, но мы продолжали бежать сквозь кошмарный, меняющийся лабиринт inferнальных заброшенных дворов. Пространство закольцевалось, метель била в лицо, дыхание вырывалось из груди хриплыми, кровавыми клочьями. Силы таяли, колени подгибались, и когда пальцы готовы были разжаться, а сознание — отключиться от холода, сквозь белую стену снегопада пробился с ума сводящий, спасительный свет автомобильных фар.

Навстречу нам, пробивая сугробы, бежали люди в форме. Лаяли собаки. Мы рухнули прямо на них. Из рук Жени с глухим стуком выпала коробка, рассыпая по снегу старые фотографии. Мы были спасены.

Финал развернулся в теплом, ярко освещенном отделении полиции. Колючие шерстяные пледы кусали кожу, дрожащие пальцы едва удерживали кружки с обжигающим чаем, но нас всё ещё била крупная, неуправляемая дрожь. Метель за окном бесновалась, словно дикий зверь, у которого прямо из пасти вырвали добычу.

Мы захлебывались, перебивая друг друга, описывали каждую деталь и тыкали пальцами в карту, туда, где предположительно находилось здание. Твердили, что провели там от силы пару часов — один бесконечный урок, короткая перемена, душный зал кинотеатра. Всего пара часов.

И именно в этот момент хрупкая реальность рухнула во второй раз.

Следователь, бледный, с остановившимся взглядом, вдруг медленно опустил свои бумаги и посмотрел на нас с такой щемящей, жуткой жалостью, что слова застряли в горле.

— Девочки... — тихо произнес он, и его голос сорвался. — Какая пара часов? Тот шторм, в который вы попали, закончился еще позавчера. Вас не было трое суток. Три дня и три ночи. Ваши телефоны отключились в первую же секунду бурана. Ваши родители все это время не покидали участка.

В комнате повисла мертвая, оглушающая тишина. Три дня. Три бесконечных дня, пока в inferнальных коридорах школы для нас лениво текли минуты, в живом мире наши родные сходили с ума от неизвестности, прочесывая ледяные сугробы с поисковыми отрядами. Нас затянуло в бездну, где время плавилось и исчезало. Еще бы один «урок», еще бы пара минут в том зловещем кинозале — и стирающий память морок забрал бы нас окончательно, превратив в безликих кукол.

Оперативные группы, конечно, выехали на место немедленно. Но, как мы и боялись, они не нашли ничего, кроме заросшего пустыря и кусков разбитого фундамента школы, снесенной тридцать лет назад. Пространство захлопнулось, унеся морок обратно в свое жуткое измерение.

Но то, что осталось в наших руках, невозможно было списать на галлюцинацию.

Спустя час следователь вернулся в комнату. Он молча опустил на стол тяжелые архивные папки, а рядом, одну за другой, начал выкладывать из наших коробок пожелтевшие от времени вещи. Артефакты чужих, насильно оборванных жизней.

Там был пионерский галстук, подписанный выцветшими чернилами: «*Толя Н., 4-Б, 1982 год*». Рядом лежала заржавевшая машинка из девяностых. Школьный дневник за 2004-й. И совсем новенький, розовый чехол от телефона с блестками, внутри которого лежала ученическая карта на имя девочки, пропавшей в соседнем районе всего три месяца назад.

Полицейские смогли опознать эти вещи. Имена на обложках, подписи под рисунками — все они принадлежали сотням детей, которые бесследно, один за другим, исчезали в этом квадрате на протяжении последних сорока лет.

Мы вынесли из чудовищного чистилища не старый хлам. Мы вынесли единственные доказательства того, что эти дети вообще существовали. Единственные крупницы памяти о тех, кого эта пространственная ловушка лишила лиц, имен, и шанса когда-либо вернуться домой. Они остались там, на вечном, нескончаемом уроке, из которого невозможно сбежать.

Изнанка реальности: Когда пространство и время дают сбой. Два взгляда на мир.

Ткань нашего мира не монолитна. В ней существуют швы, стыки и невидимые изломы. Феномены, которые кажутся мистическим вымыслом, зафиксированы в отчетах спасателей, физиков и психиатров как пугающие аномалии реальности.

Хроно-провалы и «Эффект Оз»

В официальной аномалистике существует термин «**Эффект Оз**» (**The Oz Factor**). Это резкое искажение пространственно-временного континуума, которое часто происходит во время сильных природных катаклизмов — метелей, штормов или густого тумана.

Искажение времени: В базах данных по поиску пропавших людей (включая международные реестры *Missing 411*) зафиксированы десятки шокирующих случаев. Люди, исчезнувшие во время бурана, выходили к спасателям спустя трое-четверо суток. При этом их биологические часы были абсолютно уверены, что прошло не более часа.

Физический триггер: Резкий перепад атмосферного давления и штормовой ветер генерируют волны **инфразвука** (ниже 20 Гц). Эта частота способна вводить человеческий мозг в состояние глубокого транса, полностью отключать восприятие времени и вызывать сильнейшие пространственные галлюцинации.

Вместо мистического «Эффекта Оз» ученые и спасатели говорят о тяжелой пространственной дезориентации и когнитивном искажении времени в экстремальных условиях.

Реалистичный взгляд

Когда человек попадает в бурю, густой туман или шторм, его органы чувств оказываются в условиях «белой слепоты» или сенсорного вакуума. Мозг лишается ориентиров. Если к этому добавляется гипотермия (переохлаждение), в организме замедляются все метаболические процессы, включая работу коры головного мозга. Человек впадает в состояние измененного сознания или делирия. Время для него сжимается: часы замерзания кажутся минутами, а галлюцинации воспринимаются как реальность. Инфразвук (от ветра) действительно может вызывать панику и вибрацию глазных яблок (оптические иллюзии), но время он не гнет — он просто «ломает» восприятие.

Реальный пример

Случай с альпинистом Бекон Уизерсом (Эверест, 1996 год) Во время знаменитой трагедии на Эвересте Бек Уизерс провел на жутком морозе в полубессознательном состоянии более 15 часов. Его дважды бросали спасатели, посчитав мертвым. Когда он пришел в себя и чудом дошел до лагеря, его биологические часы были полностью дезориентированы: для него эти полтора дня показались коротким, несвязным сном, длившимся не более часа. Его мозг, спасаясь от гипотермии, буквально «отключил» функцию записи времени.

Фантомная архитектура и лиминальные капканы

Лиминальные (пограничные) пространства — пустые ночные школы, законсервированные больницы, заброшенные кинотеатры — обладают тяжелой психопатологической энергией. Архитектура, лишенная людей, теряет свою функцию и превращается в «ошибку в текстурах» материального мира.

Пространственная петля: Самым задокументированным случаем провала в исчезнувшее прошлое остается *Инцидент в Трианоне (1901 год)*. Две женщины во время прогулки в

тумане физически шагнули на сто лет назад, встретив людей и здания, которые были полностью уничтожены еще во время Французской революции. Земля и бетон способны «записывать» сильные исторические потрясения и воспроизводить их, затягивая случайных прохожих внутрь фантомного слепка.

Психологический эффект пустых пространств реален, но это не сбой материального мира, а архитектурная психология и феномен ложной памяти (конфобуляция).

Реалистичный взгляд

*«Инцидент в Трианоне» 1901 года, когда две английские учительницы якобы перенеслись в эпоху Марии-Антуанетты, давно разобран историками и психиатрами. Земля и бетон не умеют «записывать прошлое». Зато человеческая психика в состоянии стресса или усталости склонна к **парейдолии** (распознаванию знакомых образов там, где их нет) и внушению. Если два человека с похожим культурным бэкграундом долго обсуждают историю места, в условиях тумана их мозг может достроить реальность до ожидаемой картинки (эффект *folie à deux* — индуцированное безумие).*

Реальный пример

Разгадка «Инцидента в Трианоне» Позже историки выяснили, что в тот самый день, 10 августа 1901 года, в садах Трианона эксцентричный французский поэт и аристократ Робер де Монтезью устраивал частную костюмированную репетицию исторического праздника. Женщины, уставшие с дороги, в тумане просто наткнулись на актеров в костюмах XVIII века. Не поняв, что происходит, и испугавшись, они ушли, а за последующие годы взаимных обсуждений их память «дорисовала» детали, превратив обычный конфуз в «путешествие во времени».

Материальные якоря: Вещи из ниоткуда

Самый зловещий аспект реальных аномалий — это вещи, которые они оставляют после себя. Спасатели и следователи периодически сталкиваются с феноменом «вещественных призраков».

На абсолютно чистом, свежесвыпавшем снегу или на давно заросших пустырях поисковые отряды находят личные вещи — игрушки, дневники, документы людей, бесследно пропавших 30 или 40 лет назад. Эти предметы выглядят абсолютно новыми, не тронутыми временем и сыростью.

Будто само пространство, закрывая временную петлю, «выплевывает» в наш мир материальные якоря — единственные уцелевшие крупицы памяти о тех, кто навсегда остался на изнанке реальности.

*Вещи, которые находят «как новенькие» спустя десятилетия, выплевывает не пространство, закрывающее петлю, а **уникальные природные консерванты.***

Реалистичный взгляд

*Феномен, когда личные вещи пропавших много лет назад людей находят в идеальном состоянии, абсолютно реален. Но магии тут нет. Существуют среды, которые полностью останавливают разложение: **ледники, торфяные болота и экстремально сухие пещеры.** В них нет кислорода и бактерий. Когда ледник из-за глобального потепления начинает таять или болото пересыхает, они буквально «выдавливают» наружу предметы. Для случайного прохожего это выглядит шокирующе: посреди леса или тающего снега лежит новенькая игрушка или газета полувековой давности.*

Реальный пример

Находка на леднике Цанфлеран (Швейцария, 2017 год) В 2017 году на тающем леднике в Альпах были найдены тела Марселина и Франсин Дюмулен, которые бесследно пропали в августе 1942 года (за 75 лет до этого). Рядом с ними лежали их вещи: рюкзаки, бутылка, часы и книга. Из-за идеальной консервации во льду без доступа кислорода одежда, кожаные элементы и личные вещи выглядели так, будто их уронили в снег на прошлой неделе. Ледник сработал как естественная морозильная камера, сохранив крупницу прошлого в идеальном виде.

Мир вокруг нас устроен гораздо сложнее и тоньше, чем кажется на первый взгляд. Когда привычные декорации рушатся, мы неизбежно замираем от удивления или страха перед неизвестным. Но то, как именно мы объясняем эти моменты, определяет нашу личную картину мира.

В конечном счете, в любой пугающей или странной ситуации выбор всегда остается за вами. И только вам выбирать — верить в мистику, сохраняя трепет перед неразгаданными тайнами Вселенной, или искать ответы в науке, каждый раз поражаясь тому, насколько изобретательны природа и человеческий мозг.

Печать Некрополя

— Да брось ты, Софи, ну какие «глупости»? Это не просто гадание, там у девчонок с параллельного всё сбилось до единого слова!

Кира взволнованно, со звоном размешивала сахар в уже остывшем латте. Её длинные, покрытые антрацитово-черным лаком ногти то и дело задевали серебряную цепочку с тяжелым кулоном-гекатой. В полумраке кофейни её глаза лихорадочно блестели.

— Ты уже полгода бредишь этим парнем, которого мельком увидела на автобусной остановке в ливень. Ты даже имени его не знаешь! Ну сколько можно сохнуть по призраку, Соф? А в этом салоне, в старом переулке, говорят, творят чистую, первозданную магию. Вся академия туда бегают, из уст в уста передают: «Принимает только по часам, раскладывает слепые карты ручной работы и видит суженого насквозь, до самой изнанки души». Сходи к этой ведьме. Она тебе сразу скажет — судьба это, прописанная на роду, или так, мимолетное наваждение.

Я лишь устало улыбнулась, плотнее запахивая воротник куртки, спасаясь от сквозняка. К эзотерическим безумствам подружки я всегда относилась с мягким, безопасным скепсисом.

— Ладно, Кир, тише ты. Я подумаю над твоим салоном. Но сейчас мне точно не до мистики. Завтра Радоница, родительский день. Мы с самого утра на старое северное кладбище едем — нужно могилы дедушки и бабушки в порядок привести после зимы. Дань мертвым, сама понимаешь. Обряд семейный. Вот вернусь — созвонимся, и про твою ведунью поговорим.

Многие знают приметы, которыми истончившаяся реальность пророчит скорую встречу со смертью: птица, врезавшаяся в стекло, полуночный вой собаки или кошмар с выпавшими зубами. По сравнению с этим черная кошка кажется детской забавой. Но знаете ли вы, что на самом деле предвещает абсолютную, беспросветную смерть?

Потеряться на кладбище.

Сначала всё существовало в привычных рамках. Родители возились у ограды: отец с глухим кряхтением выкорчевывал старый корень, а мама влажной тряпкой бережно протирала серый мраморный памятник. Я решила дойти до колодца с технической водой — буквально три поворота по главной аллее.

Но стоило мне завернуть за густой, душно пахнущий куст сирени, как мир вокруг пугающе переродился. Звуки цивилизации — отдаленный гул трассы, шаги других посетителей, скрежет лопат — резко затихли. Воздух сделался густым, тяжелым, липким. Оглянувшись назад, я похолодела. Ухоженная асфальтированная аллея исчезла. Вместо нее во все стороны расходились серые, хаотичные ряды чужих, покосившихся, обглоданных временем деревянных крестов. Они торчали из сухой земли, точно гнилые зубы чудовища.

Я бродила по этому внезапному некрополю уже несколько часов. Паника горячей волной затапливала горло. Тяжелое, свинцовое небо беспросветно заволочло тучами, и в воздухе разлился пронизывающий до костей холод. Мемориалы и ограды не заканчивались, тянулись монотонной, издевательской вереницей. Не было видно ни кладбищенских ворот, ни забора.

Отчаяние тяжелым камнем осело в груди, когда сквозь серую дымку могильной мглы мне на глаза попался силуэт. Вдалеке, спиной ко мне, стоял парень. Забыв обо всем, я бросилась к нему, спотыкаясь о выпирающие корни.

Он резко обернулся. На его лице отразилось точно такое же изумление. Я замерла. На меня смотрели те самые глубокие карие глаза. Тот самый парень с остановки. Черные волосы, волевой контур лица, потертая кожаная байкерская куртка поверх серой футболки.

— Ты... ты тоже живая? — его голос, хриплый и глубокий, показался самой прекрасной музыкой.

— Да... Я потерялась. Пошла за водой и всё исчезло, — я едва не плакала.

Он открыл рот, произнес свое имя... Но этот звук странно затих, будто пространство поглотило его.

— Пространство сбоит, — тихо сказал он, беря меня за ледяную ладонь. Его пальцы были теплыми и надежными. — Я здесь уже вечность. Пробовал оставлять метки ножом на крестах — бесполезно. Мы возвращаемся в одну и ту же точку. Знаешь, есть старая, грязная легенда о Чернокнижнике, который когда-то владел этими землями? Говорят, когда сильный некромант проводит запретный ритуал, пространственная материя ломается, завязываясь в узел. Кладбище циклично, Софи. И оно будет крутиться, пока жив тот, кто держит этот морок.

Мы двинулись в путь вместе. По ходу нашего бесконечного путешествия нам встретились еще три заплутавшие девицы в кричащей, неуместной одежде и с ужасным, истеричным характером. Двигаться стало невыносимо тяжело. Каждые сто метров они устраивали сцены из-за натертых ног или мошкары, саботируя каждый шаг.

Наступила глухая, непроглядная ночь. Я шла, непрерывно дрожа от пронизывающего холода. Парень заметил это. Он молча остановился, снял свою тяжелую куртку и набросил мне на плечи. Она еще хранила живое тепло его тела, пахла хорошим парфюмом, табаком и грозвым ветром.

— Держись ближе ко мне, Софи, — негромко сказал он, мягко, но уверенно приобняв меня за плечи и прижимая к себе. — Не слушай их. Мы выберемся, слышишь? Я тебя здесь не оставлю.

Внутри меня посреди этого филиала ада полыхнуло странное, почти болезненное чувство абсолютной защищенности. Когда девицы ядовито зашипели за спиной, упрекая его в избирательном благородстве, он лишь жестко оборвал их: «Закройте рты и идите вперед».

Взгляд его карих глаз, устремленный на меня в темноте, стал на мгновение долгим, слишком пристальным для мимолетных попутчиков. На секунду его пальцы сильнее сжали мое плечо, и в этом жесте было нечто большее, чем просто желание согреть. Я ответила ему едва заметным кивком, и этот безмолвный диалог сблизил нас сильнее, чем часы блужданий.

Избушка материализовалась из тумана внезапно, словно само кладбище сжалилось над нами. Это было приземистое, покосившееся строение смотрителей, чьи бревенчатые стены наполовину ушли в землю и сплошь покрылись влажным, липким мхом. Внутри пахло сухой землей, застоявшейся сыростью и старой соломой.

Никакой современной мебели здесь не было. Вдоль стен тянулись широкие дубовые настилы — полати, а в углу темнела массивная печь. Но мое внимание приковал тяжелый верстак. Обычный человек не понял бы предназначения разложенных на нем предметов, но от одного их вида веяло могильным холодом: тяжелые кованые циркули-калиперы, которыми средневековые гробовщики измеряли пропорции черепов для родовых склепов; длинные иглы с обратными зазубринами, использовавшиеся в старинных обрядах для сшивания губ мертвецам, чтобы те не унесли секреты живых в землю; свинцовые сосуды, намертво запечатанные бурым сургучом — в таких веками хоронили прах проклятых и самоубийц; острые скребки для очищения костей от истлевшей плоти.

Под потолком пучками висели аконит и чертополох, чья удушливая горечь безуспешно пыталась заглушить въевшийся в доски запах тлена.

Девицы тут же подняли визг, нагло решая, кто займет место на теплой печи рядом с парнем. Я лишь устало вздохнула и молча полезла на самый верхний ярус дальних полатей, пряча за маской равнодушия глухую, неожиданную для самой себя ревность. Самая хваткая из троицы бесцеремонно улеглась в правом углу печи.

Парень проводил её взглядом, полным безразличия, и стал высматривать меня в темноте. Когда наши глаза встретились, он тихо подошел к моему настилу. Его ладонь легла на

край доски, совсем рядом с моими пальцами. В полумраке его карие глаза казались черными, и в них больше не было той отстраненности — только мягкая, глубокая тревога.

— Ты как? — едва слышно прошептал он. — Куртка не сильно тяжелая?

— Нормально, — так же тихо ответила я, сильнее кутаясь в его кожу. — Спасибо тебе еще раз.

Он чуть заметно улыбнулся, и на мгновение его теплые пальцы накрыли мою ладонь, слегка сжав её в безмолвном обещании защиты. От этого короткого прикосновения по телу разлилось странное, неуместное в этом аду тепло. — Отдыхай. Я буду караулить, — тихо произнес он, прежде чем отойти к рюкзаку у двери.

Изба погрузилась в тяжелый, чуткий сон. Время словно остановилось. Именно в этой мертвой тишине, под аккомпанемент бьющего в окно ветра, хлипкая дверь беззвучно приоткрылась. Внутри скользнула тощая черная кошка, которая, как оказалось, бесшумно преследовала нас по пятам от самой аллеи.

Она не была обычной бродяжкой. Животное двигалось неестественно плавно, словно ведомое чужой, непреклонной волей. Кошка мягко вспрыгнула на полати и по-хозяйски улеглась в моих ногах, тихо, утробно замурчав. Но это было не ласковое урчание, а вибрирующий, гипнотический гул. Я не видела, что к её хвосту колдовским узлом был привязан жесткий седой волос, вырванный из головы полуразложившегося мертвеца.

Во сне я беспокойно повернулась, моя рука соскользнула с края настила. Пальцы мазнули по кошачьей шерсти, лодыжка коснулась хвоста, и мертвый человеческий волос прочертил ледяную линию по моей коже.

Колдовской мост замкнулся мгновенно, с диким треском затягивая мое сознание в чужой, зловещий разум.

Реальность избушки с хлопком лопнула, и меня захлестнуло чужое зрение, полностью лишенное человечности. В горле разлился гнилостный вкус чужого дыхания, а пальцы мертвой хваткой сжали холодную рукоять тяжелого обсидианового ножа.

Я видела мир его глазами. Мир, окрашенный в грязные, багрово-серые, трупные тона. Прямо под моими — его — ногами зияла свежеразрытая, сочащаяся склизкой влагой могила. Из темной земли торчал старый гнилой гроб с треснувшей крышкой. Это было место силы Чернокнижника — древнее, оскверненное захоронение, на котором ломалась сама ткань пространства.

На покосившемся деревянном заборе вокруг ямы плотным рядом сидели десятки жирных, лоснящихся ворон. Их глаза светились безумным, желтым огнем, а крылья тяжело хлопали в такт нарастающему ветру.

На самом краю могилы, хрипя и дергаясь в толстых путах, задыхалась черная коза — классическая жертва для запечатывания некротических узлов. Взмах костлявой руки, короткий свист — и обсидиановое лезвие с мерзким хрустом вскрыло животному горло. Густая, парящая на ледяном воздухе кровь мощным темным фонтаном хлынула вниз, с глухим стуком заливая обнаженную крышку гроба, пробуждая то, что спало под ней.

Но этого было мало. С диким, утробным рыком колдун вонзил пальцы в грудину бьющегося в агонии животного, с мясом вырвал еще теплое, трепещущее сердце и швырнул его прямо в гущу ворон. Птицы взбесились. Они неистово закричали, захлебываясь в собственном клекоте, бросаясь друг на друга и разрывая плоть в клочья. Бурные брызги летели во все стороны, с шипением впитываясь в ненасытную, мертвую землю. Колдун хватал куски свежотсеченного, сочащегося мяса и с диким хохотом скармливал их беснующимся птицам, которые клевали его собственные иссохшие пальцы.

Вокруг бесновалась разъяренная стихия. Вековые дубы со стоном гнулись к земле под шквалистыми порывами ветра, а иссиня-черное небо без умолку разрывали ветвистые грозо-

вые молнии. Каждый их сполох озарял этот ад мертвенным, неоновым светом. С каждым ударом ножа в землю, с каждой каплей пролитой крови пространственная материя содрогалась, завязываясь в тугой, неразрывный узел. Ритуал переламывал саму реальность, запирая нас в этой петле.

Внезапно колдовское сердце пропустило удар. Ментальное слияние выдало мое присутствие внутри его черепной коробки. Маг замер.

Медленно, с сухим, страшным хрустом шейных позвонков, уродливая голова повернулась, устремляя взгляд серых, подернутых мутной пленкой глаз прямо вглубь затаившегося сознания. С силой, способной раздавить волю, чернокнижник посмотрел сквозь пространство прямо мне в душу.

В этот леденящий миг мне удалось во всех деталях разглядеть его истинный, отталкивающий облик. Это был высокий, неестественно иссохший мужчина, от одного вида которого веяло могильным склепом. С его головы грязными паклями свисали длинные, черные, засаленные волосы. Кожа на лице имела мертвенно-бледный, трупный оттенок. Острые серые глаза пронзительно наблюдали за мной. Колдун был облачен в рваный, тяжелый плащ, сплошь испачканный в сырой земле и засохшей крови, а его лицо — уродливо вытянутое, с лоснящимся острым носом — напоминало то ли гигантскую кладбищенскую крысу, то ли змею.

Дикий, нечеловеческий ужас буквально вытолкнул мое сознание обратно, в собственную оболочку.

Мои глаза распахнулись с сухим, свистящим хрипом. Легкие судорожно втянули застоявшийся, пахнувший пылью воздух избушки. Сердце колотилось в груди так бешено, что, казалось, ребра вот-вот треснут. Настил подо мной крупно, мелко дрожал — это кошка, обезумев от разорвавшейся ментальной связи, с истошным, почти человеческим воплем металась по углам хижины, сшибая старые глиняные горшки и пучки сушеного чертополоха.

В темноте мгновенно поднялся переполох. С кушетки снизу донеслись испуганные девичьи вскрики.

— Что происходит?! Софи, это ты?! — парень тяжело сорвался с печи, выставляя руки вперед в кромешной тьме.

Объяснять что-то времени не было. В моей голове, словно выжженное клеймо, пульсировало отчетливое, железобетонное понимание: эта черная тварь — живой якорь ритуала, проводник его воли, и пока она здесь, мы из этого некрополя не выберемся. Память услужливо подбросила образ: складной охотничий нож, который парень оставил в боковом кармане рюкзака прямо у входа.

В один прыжок преодолев расстояние до его вещей, я запустила руку в рюкзак. Наружу прорвался древний, первобытный инстинкт выживания. Пальцы нащупали холодную, рифленую сталь рукояти. Щелчок замка — и острое лезвие блеснуло в полумраке, поймав тусклый, зловещий отсвет молнии из окна.

— Софи, стой! У тебя кровь идет из носа! Что ты делаешь?! — закричал парень, бросаясь ко мне из глубины избы. В его голосе смешались паника и дикий страх за меня. Он попытался перехватить мои запястья, его ладони коснулись моих рук — они были горячими, живыми, но я упрямо рванулась вперед.

— Пусти! Она держит нас! — закричала я, перекрывая вой ветра за стенами.

Кошка в этот миг как раз заходила на очередной круг, сиганув с печи прямо на дубовый стол, среди разложенных ритуальных инструментов. Один короткий, яростный удар наотмашь — и лезвие с глухим стуком перерубило кончик хвоста животного, глубоко вонзившись в старое дерево стола.

Кошка испустила пронзительный нечеловеческий вопль и мгновенно испарилась. В ту же секунду из отсеченных черных волосков хлынул густой, сизый дым. Он змейкой взвился над

деревянным полом, подлетел к самому моему лицу, обдав кожу ледящей могильной прохладой, и перед тем, как окончательно раствориться, выдохнул прямо в ушную раковину свистящим, крысиным голосом:

— Я иду за тобой...

И морок рассеялся. словно со смертью этой связи пространство разомкнуло свои удушающие объятия. Тяжелая дверь избушки со скрипом распахнулась, и за ней вместо бесконечных рядов обглоданных крестов вдруг обнаружилась знакомая асфальтированная аллея нашего северного кладбища и тусклые, спасительные огни далеких городских фонарей.

Едва под ногами появился асфальт, перепуганные девицы, даже не обернувшись, с диким визгом побежали к главным воротам некрополя.

Парень резко поймал меня за руку, не давая сделать шаг. Его карие глаза умоляюще и отчаянно смотрели на меня в свете далекого фонаря: — Софи, стой! Твой телефон, адрес, хоть что-то! Мы должны держаться вместе, слышишь? Он не отстанет!

На секунду мне показалось, что весь этот кошмар стоил того, чтобы просто стоять здесь и чувствовать, как его пальцы крепко сжимают мою ладонь. Но шок и пережитый ужас были слишком велики. Разум отказывался принимать случившееся. С трудом преодолевая внутреннее сопротивление, я резко вырвалась из его рук.

Наспех сбросив с плеч его тяжелую байкерскую куртку, я бросила её ему и побежала к родительской машине, где у забора уже дежурили обезумевшие от часовых поисков страха отец и плачущая мама. Кладбище отпустило нас.

Прошел месяц. Кошмар постепенно осел на дно памяти серой пылью, но оставил после себя глухую, непреходящую тоску. Карие глаза того парня преследовали меня в каждом сне. Это заставляло меня день за днем тщетно искать его в толпе, всматриваться в лица на улицах, пролистывать бесконечные профили в социальных сетях. Но он словно сквозь землю провалился. Без имени поиск был обречен.

В один из дождливых, удушливых вечеров, когда тоска стала совсем невыносимой, мои пальцы сами нащупали в кармане сумки измятую бумажку, которую когда-то настойчиво всучила Кира.

«Салон предсказаний. Спросить ведущего мастера. Переулок Черно книжников, дом 9».

Я пошла по указанному адресу. Скепсис отступил перед отчаянием. Терять было уже нечего, а внутри жила безумная надежда — если эта ведьма видит суженых насквозь, она поможет мне найти его.

Переулок Черно книжников встретил меня липким, пахнущим сыростью туманом и мрачными фасадами старых сталинских домов. Нужная дверь обнаружилась в глубокой, полутемной кирпичной арке.

Я толкнула тяжелую дверь. Внутри царил густой полумрак, пропитанный ароматами сушеной полыни, воска и... старой соломы. Сердце испуганной птицей забило в самом горле от внезапного, ледящего дежавю — этот запах был слишком, слишком знаком. В самом центре комнаты высился уединенный шатер из плотного черного шелка.

— Входи, дитя, — раздался из глубин шатра тихий, шелестящий мужской голос, от утробной глубины которого волоски на коже поднялись дыбом. — Ты пришла узнать свою судьбу? Узнать, где скрывается тот, кого ты так отчаянно ищешь?

Шаг за шагом, едва удерживая равновесие на ватных ногах, я переступила порог шелкового шатра. На столе, покрытом темным сукном, догорала одна-единственная свеча, тускло озаряя разложенные рубашками вверх старые карты Таро.

Из глубокой, непроницаемой тени угла медленно выступил хозяин салона, облаченный в длинный балахон. Когда капюшон с тихим шорохом упал назад, крик намертво застрял в моей груди, а воздух в легких превратился в лед.

Вместо таинственной мадам-ведуньи на меня смотрело уродливо вытянутое лицо с острым крысиным носом. Сальные, похожие на пыльную паутину волосы свисали на бледную, влажную кожу, а серые, подернутые мутной пленкой глаза пронзительно и сыто наблюдали за мной.

Колдун медленно протянул через стол иссохшую руку и тихо, свистяще выдохнул:
— Я пришел за тобой.

Тьма за его спиной пришла в движение, мгновенно поглощая тусклый свет свечи. В диком ужасе я отшатнулась назад, готовая выскочить из шатра, но спиной наткнулась на чью-то широкую, твердую грудь. По комнате разнесся знакомый аромат хорошего парфюма, дорогого табака и... сладковатый, удушливый запах могильной гнили.

Чьи-то сильные, некогда теплые, а теперь леденящие руки мертвой хваткой обхватили мои плечи, намертво прижимая спиной к себе.

Я с огромным трудом повернула голову, отказываясь верить глазам. На меня сверху вниз смотрели глубокие карие глаза. Но в них больше не было затаенной тревоги или желания спасти. В них отражался мертвенный, неоновый свет тех самых кладбищенских молний, а на бледных губах парня играла безумная, торжествующая улыбка.

— Я же говорил тебе, Софи... — нежно прошептал он мне прямо в ухо, и его голос жутко двоился, переходя в свистящий хрип некроманта. — Что я тебя там не оставлю

Его объятия стали каменными, сковывая грудную клетку и не позволяя сделать даже мимолетного вздоха. Силы стремительно покидали меня, а по телу разливался странный, убаюкивающий покой, словно я наконец вернулась туда, где мне и суждено было остаться еще в родительский день. Реальность вокруг начала истончаться, уступая место глухому, потустороннему свисту рассекаемого воздуха.

Чернокнижник за столом медленно поднял руку. Мир окончательно погружался во мрак, и последним, что успели выхватить мои застилаемые тенью глаза, был хищный, зеркальный блеск занесенного надо мной обсидианового клинка. Но страха больше не было. Было лишь странное, абсолютное чувство завершенности.

Просвещение

Случилось так, что дороги моего разума сплелись в причудливый узор, и я оказалась там, где мифы дышат полной грудью. Я ступила на землю Эллады, где боги еще ходили среди смертных. Удивительно: для меня вся эта божественная фантазмагория обернулась трепещущей реальностью, а вот история моего, стального и электрического века стала для них лишь пугающим, туманным мифом.

Знакомо ли вам понятие «осознанный сон»? Если нет, позвольте мне приоткрыть эту завесу. Это пограничное, хрупкое состояние, когда душа, запертая внутри собственного сновидения, внезапно пробуждается. Ты осознаешь иллюзорность мира вокруг, но не покидаешь его. Напротив, ты обретаешь власть над образами, которые творит твой мозг, становясь полноправным Творцом и Героем собственной пьесы. Одни описывают это как странствие по тайным чертогам разума, другие — как мистический выход души из брэнной оболочки. Я же назову это путешествием сквозь тончайшую ткань времени и параллельных миров.

Однажды я наткнулась на руководство по овладению этим искусством осознанности во сне — если вообще можно намеренно научить душу такому парению. К моему изумлению, методика сработала. Точнее, всё пошло совершенно не так, как было предписано, и судьба сыграла со мной злую шутку.

Засыпая под размеренный, гипнотический ритм часов, я шепотом, как молитву, повторяла слова мантры. Я пыталась соткать из воображения образ места, в котором хотела бы очутиться, поверить в него всем существом. Вот только стоило мне пожелать *почувствовать* само состояние сна, как я совершенно позабыла определить *суть* этого чувства. Как говорится, бойся своих желаний, ибо они имеют свойство сбываться. В моем случае стоило добавить: «и четко формулируй мысль перед ее воплощением».

Поскольку в голове воцарилась звенящая, мертвая пустота, одна-единственная случайная мысль вспыхнула ослепительной искрой — и весь мой привычный мир погас, как задутая свеча.

Что это была за мысль? Вы спросите — я отвечу. Древняя Греция. Пока обрывки дневных забот рассеянно металась в сознании, эта идея оказалась ярче и весомее остальных. А всё потому, что незадолго до сна я думала о насущном — о предстоящей университетской паре по истории пространственных искусств, которая обязывала нас до зубов зазубрить античные мифы.

Итак, я перенеслась.

Открыть глаза меня заставило невероятно палящее, полуденное солнце и пронзительные, доносившиеся издалека крики чаек. Сквозь полузабытье проступал мерный, тяжелый гул — песнь самого Океана. Земля под моим телом оказалась зыбкой, она ускользала и рассыпалась золотой пылью от каждого моего движения. Я лежала на белоснежном, ослепительном песке, а вдали его крупницы уносило в бескрайнее, лазурное море.

Резко придя в себя, я не почувствовала ни страха, ни паники. Напротив, грудь затопила волна ликования: «Неужели способ сработал? Всё как наяву!» Но ликовать довелось недолго. В следующую секунду липкий, первобытный страх сковал тело. Шаги, еле слышные, шуршащие по прибрежному гравию, приближались.

На мое плечо опустилась ладонь — столь увесистая и тяжелая, словно сам Атлант решил переложить на меня свой небесный свод. Я заставила себя обернуться.

Предо мной стоял высокий, полуобнаженный юноша с копной густых, золотисто-медных кудрей и точеными чертами лица. В его глубоком, винном отблеске глаз я мгновенно признала стихию Диониса. Создавалось пугающее ощущение, что он способен читать мои мысли. Шум

прибоя затих, ветер улегся, и воздух между нами, вибрируя, обратился в поэтическую, тягучую песнь. Вся наша беседа отныне текла в ритме бьющихся о скалы волн:

— *Кто ты такая? И зачем пришла
В мою обитель, где века застыли?*
— Мой мир решил бы: я сошла с ума,
Разбила явь и утонула в пыли.
Но твой взор видит мысли до конца,
Обман растаял в прибрежной пене...
Наш век для вас — лишь вымысел лжеца,
Ваш мир для нас — забытый сон на сцене.
— *Из скольких лет, нарушив грань миров,
Явилась ты, поправши притяженье?*
— Двадцать первый век сорвал покров,
Где стерто древних мифов отраженье.
Две тысячи двадцать шестой наш год
От Рождества Спасителя исчислен.
— *Темна мне бездна этих новых вод,
Ваш странный счет веков немислим...*
*Скажи мне, смертная, в краю твоём родном
Каким богам приносите вы жертвы?*
— Забыты храмы, поросли быльем,
И алтари твои давно уж мертвы.
В гордыне слепой, отринув прежний страх,
Век человеческий делит трон с богами.
— *Как это так?! — и в оливковых ветвях
Раздался гул, испуганный громами. —
Какая мощь течет в людской крови,
Чтоб узурпировать бессмертных право?*
— Мы научились плыть вопреки земли,
Крылатыми стадами мчатся браво.
Мы пламя жжем из ледяной воды,
Сквозь сотни миль чужие ловим взгляды,
И заглушаем стоны от беды,
В мгновение ока сокрушив преграды.
Мы лечим раны, побеждая смерть,
И укрощаем яростные бури.
Живую плоть — пробирок хрупких твердь —
Растим во тьме, подвластной клиентуре.
Бессмертье близко... но в пылу страстей
Мы губим миллионы душ без счета.
— *Но всё, что ты назвала для людей —
Лишь нашей силы легкая работа!*
— Я знаю, бог. Но наш холодный рок —
Тяжелый шаг к необозримой бездне.
Стальные птицы режут небосвод,
А в медицине — пытки и болезни.
Из черных зеркал ловим каждый шаг,
Чтоб путь найти в неодолимом мраке,
Прогноз погоды знаем, как маг,

И зверя речь читаем в каждом знаке.
Взрастили органы... но посреди сует
Мы разучились сострадать и верить.
И в том, что старости у тела нет —
Лишь бутафория, чтоб пустоту замерить.
Человек смертен. Как и в прошлый век,
Мы пред Судьбой — испуганные дети.
Мы мним, что боги, но из века в век
Плененными останемся в рассвете.
— *Но как дошли вы до подобной тьмы?*
Где брали соки для безумной власти?
— Прости, о Дионис, но из тюрьмы
Мы Гею рвем на яростные части.
Из года в год, безумием дыша,
Мы травим мать без жалости и меры.
— *Что ты сказала?! — Бога затрясло, —*
Ты лжешь! Ужасны эти эфемеры!
Земля не может вытерпеть урон!
— Мы, как титаны в запертом подполье,
Терзаем плоть ее со всех сторон,
Своё прогрессом теша своеволие.
Из недр глубоких выжали руду,
Чтоб строить тонны ядовитой стали,
Зажгли в полях удушливую мглу,
Храня отходы там, где процветали.
Планету душит вековой отброс,
Живую тварь пытаются в казематах,
Игры с погодой, атома допрос
Сожгли алтарь в пророческих раскатах.
Те, «кого приручили», в эту ночь
Оставлены на растерзанье злобе.
Погоня за величием гонит прочь,
Рождая смерть в земной утробе.
Погибли миллионы... мир в дыму.
— *И что ж за боги вы...* — бледнея ликом,
Запратал бог испуганный свой вздох.
— Мы те, кому в величии диком
И целого пространства мир убог...
— *Вы существа, восставшие из Тьмы,*
Из Тартара, из царства Небытия...
— Ты прав, ведь хаос сеет всюду мы,
Грехи свои безбожные не тая.
— *Когда ж насытитесь? Когда придет финал?*
— Известно то, пожалуй, только Богу...
— *Но раз вы Боги, кто ж ваш идеал?*
— Кто Бог — не знаем, потеряли мы дорогу.
Но вспомним, коль обрушится скала.
— *Так, значит, истинный Господь покинул вас...*
— Какие страшные, тяжелые слова...

— *Века, что ты назвала в этот час...*
С какого мига бросил Он творенье?
О, если бы понять могли и мы,
Когда в полях угасло вдохновенье,
И вы остались посреди зимы...
Неужто в будущем вы глубоко одни?
— Не знаю я. В пучине гаснут дни...
— *Сама-то веришь?*
— Во что?
— *В богов? В себя? В свои ладони?*
— Не знаю веры в этом черном лоне...
Но истину постигла я с тобою.
— *И что ж открылось пред твоей душою?*
— Что Вера — наш единственный оплот.
Пока мы верим, Бог вовек живет.
— *Глаголешь истину, а значит — твердо веришь.*
Бог есть в тебе, пример тому — наш час.
— Так, значит, не напрасно силы меришь,
И свет святынь еще внутри не гас?
Я поняла: в нас скрыта Божья плоть,
Божественность мы делим со вселенной,
Ее хранит и губит человек...
— *Задача ваша — удержать бесценный*
Священный щит на ваш недолгий век.
— Легко сказать, когда разрушен свет...
— *Так отчего же сложно? Вы начните*
С терпения к израненной Земле.
Пока жива она, жива и нить,
Что искрой святости сияет во мгле.
Вы перестаньте мать свою губить.
— Я поняла, и я тебе внимаю,
Но как заставить верить остальных?
— *Не важно, верят ли, черты мои слагая,*
Ты верь сама среди дорог земных.
Без горьких слез, без страха и тоски,
В себе самой священный свет носи.
Мессией стань, коль истины ростки
Сумела ты от гибели спасти.
Вернись к себе, живи, забудь про страх,
Ведь званья богов вы недостойны,
Хоть высший дар держали вы в руках,
Но души ваши глухи и беспутны.
Он выжжен в вас до пепла, до золы.
— Но что же мы в безумии потеряли?
— *То, что бездумно скинули с горы,*
Когда святое имя обменяли,
Лишив его божественной игры!
— Ну говори же, тайну унесу я!
— *Вы, люди, Человечность потеряли...*

*Когда вернете верность алтарю —
Тогда вернемся Мы в земные дали,
И я пред вами небо отворю.
Последний слог растаял на губах,
Умолкло море, замер крик бескрылый.
Остался только золотистый прах
Там, где бессмертный бог стоял красивый.
Его фигура соткалась в лучи,
Вобрала солнце, лозы, шепот ветра.
И оливковая роща из парчи
Вдруг обернулась дымкой пред рассветом.
— Прощай, дитя... — донесся вздох волны.
— Настанет день — и мы вернемся сами...*

Вспышка ослепительного, невыносимо яркого света ударила по векам.

Я резко открыла глаза и села на кровати. Грудь тяжело вздымалась, сердце отсчитывало безумный, чечеточный ритм, а пальцы судорожно сжимали одеяло. Солнечный луч из окна нагло резал глаза, безжалостно вырывая меня из объятий ночи.

На прикроватной тумбе мерно, раздражающе тикали часы. Было ровно семь утра.

Я потеряла виски, пытаюсь ухватиться хотя бы за хвост ускользающего видения. Песок? Море? Юноша с медными кудрями? Кажется, там были какие-то стихи... Боже, ну и бред же приснится перед экзаменами.

— Так, ладно, — пробормотала я себе под нос, сбрасывая ноги на холодный пол. — Вера, надежда, человечность... Какие еще, к черту, мессии? Мне бы сейчас пару по истории про-
странственных искусств пережить и не перепутать на зачете дорический ордер с ионическим.

Кофемашина на кухне зашумела, наполняя квартиру спасительным, приземленным ароматом XXI века. Мама-Гея за окном привычно гудела автомобильными пробками и душли-
вым смогом, а я, напрочь позабыв о том, что этой ночью спасала мир, поплелась чистить зубы, на ходу листая ленту в телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.